

ГЛАВА 5

ИСКУССТВО ГРЮНДЕРОВ

Промышленная революция, относительно которой некоторые историки утверждали, что она якобы была вовсе не «революцией», а медленно протекавшим «процессом структурных преобразований», изменила не только реальную экономическую действительность, но и сам характер мышления людей. Открытие того, что мир можно «творить», воодушевило поэтов и мыслителей, художников и композиторов.

Но воплощение нового мироощущения, мифа о машинах, технических изобретений и социальных преобразований в производстве искусства было связано со значительными трудностями, ведь представители образованных слоев общества продолжали жить в мире представлений, сформированных под влиянием идеализма, а их стремление к утонченности и совершенству плохо вписывалось в шумный мир фабрик и паровых машин. Даже такой ум, как Иоганн Вольфганг фон Гете, с трудом постигал новые времена. В своей «Теории цветов» он решительно защищал идеалистические представления о природе, противопоставляя их «бездушной физике» какого-то Ньютона.

Художники тех дней должны были совершать далекие экскурсии к истокам мифологии, чтобы найти приемлемые образы для объяснения того, что разыгрывалось в промышленном районе, лежавшем между Верхней Силезией и Руром. Порой воспринимали они доменную печь как современный вариант древнегерманской «кузницы мечей» или считали локомотив «паровым конем». Иногда даже видели в фабрике земной филиал «творца всевышнего». Даже конструкторы машин вначале еще старались привести свои творения в соответствие с представлениями, передававшимися из поколения в поколение.

Они «приукрашивали» паровые машины и токарные станки изображением отдель-

ных частей человеческого тела – рук, ног, головы, – исполненными в чугуне или дереве; называли паровозы чисто по-человечески «Адлер» («Орел»), «Блюхер», «Элиас» (имена собственные). В Англии прядильную машину нарекли «Тросл» («Певчий дрозд»), а в России угольная шахта называлась «Фридрих Великий». Наделяя машины ласкательными именами, люди хотели по-своему очеловечить мир машин, который воспринимался ими как чуждый и бесчувственный. Обладая таким же образом мышления, фабриканты распорядились изготавливать заводские ворота в неоготическом стиле или стиле неobarocko. Этим создавалось впечатление, что рабочий люд попадает в церковь или театр. Даже самые святые реликвии капитализма – акции, куксы и другие ценные бумаги, дающие право на долю в имуществе новых предприятий, – своим тщательно исполненным орнаментом более походили на суперобложку какого-нибудь любовного романа, чем на весьма прозаический документ.

Страх перед скоростью

В головах образованных людей индустриализация породила либо наивные мечты, либо непостижимый внутренний страх. Типичным в этом отношении явился ужас, обуявший многих немцев, когда первые паровозы с «безумной скоростью» 35 км/час помчались по стране. В заключении Высшей медицинской коллегии Баварии за 1838 г. значится: «Высокая скорость непременно должна вызвать у пассажиров болезнь головного мозга, своего рода Delirium Furiosum. И если пассажиры не боятся этой страшной опасности, то государство должно, по меньшей мере, оградить от нее сторонних наблюдателей, поскольку в противном случае у них при виде быстро мчащегося поезда проявится та же болезнь головного мозга. Поэтому крайне необходимо обнести железнодорож-

ные станции с обеих сторон высоким дощатым забором».

Если на первых порах связи между культурой и промышленностью несли на себе отпечаток глубокого непонимания, то в эпоху грюндерства между ними сложились довольно прагматические отношения. Новый класс состоятельных буржуа нуждался в искусстве, которое позволяло подчеркнуть солидность положения, повысить престиж и провести четкую грань между собой и нижестоящими социальными слоями общества. Со своей стороны представители искусства с благодарностью воспринимали денежные дары и использовали предоставлявшиеся им возможности вместе со своими состоятельными заказчиками проникнуть на олимп социального благополучия.

В наши дни искусство периода грюндерства не пользуется доброй славой. Для него характерны кичливость, вычурность стиля, отсутствие вкуса. И все же с ним стоит познакомиться немного поближе, ибо оно многое говорит об образе мышления и мотивах поведения людей того времени. Более того, то искусство не настолько хуже низкопробных произведений, которые фабрикуются сегодня под видом настоящих произведений искусства. Лишь в самое последнее время работники сферы искусств и художественные критики, в известной мере преодолевая сложившиеся здесь предрассудки, начинают вновь серьезно заниматься тем, что было создано тогда в этой области.

Предприятия хотели иметь «аристократический» вид

По мере того как технический прогресс в эпоху машин все более ускорялся, интерес предпринимателей к технике падал. Они стремились приобрести дворянские титулы и общественный вес, добиться признания со стороны высших слоев. Поэтому их дома и жилья должны иметь, по их мнению, более «аристократический» вид. Ну, а что же было более благородно и знатно, чем искусство былых времен? И вот архитекторы и художники, ваятели и столяры-мебельщики прошли по истории стилей с одной-единственной целью — выяснить, что же, собственно, в различные эпохи относилось к «знатному», «аристократическому»: искусство Древ-

него Египта и Древней Греции, стиль эпохи Возрождения или барокко.

Теперь уже и представители искусства, подобно своим клиентам-грюндерам, обращавшимся к давно известным изобретениям в интересах организации прибыльного массового производства, использовали элементы прежних стилей для создания своих не менее доходных произведений. В Берлине и Рейнланде, на берегах Альстера и в Мюнхене появлялись дома буржуа в стиле необарокко, строились классические здания оперных и драматических театров, возводились неоготические соборы и виллы в стиле неоренессанса. Разбогатевшие бюргеры Кельна собрали крупную сумму денег, чтобы завершить, наконец, возведение собора, оставшегося на протяжении столетий недостроенным. И даже во всемирно известном кафедральном соборе в Ульме на берегах Дуная были построены его последние «готические» арочные контрфорсы.

Впрочем, эти бюргеры отождествляли себя со своими предками, скорее из эпохи Возрождения, чем периода более аскетической готики. Ведь и тогда, в XV и XVI вв., такие бюргерские семейства, как итальянские Медичи или швабские Фуггеры, смогли подняться до самой вершины социальной иерархии. А это импонировало нуворишам XIX в. Уже в эпоху Возрождения разбогатевшие на торговле сукном и пряностями, на добыче золота и меди патриции приобретали общественный престиж за счет щедрого меценатства. В результате переосмысливания творчества античных предшественников, бравшегося за пример для подражания, наступил период расцвета европейского искусства, когда создавали свои бессмертные творения Леонардо да Винчи и Рафаэль, Микеланджело и Тициан. Художники нового поколения задавали себе вопрос: почему не может появиться вновь что-то похожее?

Страстное влечение к величию и прочной славе, материальному благосостоянию и социальному признанию эти представители искусства делили с грюндерами второго поколения. Если пионеры промышленности все еще оставались невзыскательными техниками и торговцами, которым вполне достаточно было одной гордости за выполненную работу, то их наследники искали признания уже за стенами своих фабрик и заводов.

Деятели искусства, работники системы образования и воспитания, представители имущих слоев населения периода грюндерства были одного мнения в том, что они жили в «великое» время, хотя им не всегда было совершенно ясно, в чем, собственно, заключается это «величие».

Промышленник как «сверхчеловек»

Представители искусства видели в предпринимателе исключительного человека, сравнимого разве что с героями античного мира. Исключительный индивидуализм, превратившийся, в конечном счете, в культ гениального человека, полностью отвечал жизненному восприятию, присущему высшим слоям общества. Прославлялись дела отдельных людей, и при этом упускалось из виду то обстоятельство, что они свершались только благодаря усилиям очень многих. Если сегодня, напротив, многие социологи и историки принижают значение отдельно взятого достижения и считают основной силой, формирующей историю, групподинамические процессы, то в те времена восхищались великими делами «сверхчеловека».

Лучше всех суть героизма грюндерской эпохи выразил Фридрих Ницше, в трудах которого можно найти такого рода тезисы: «В области культуры нет более серьезной тенденции, чем формирование и становление гения... Народ — это окольный путь природы, выводящий на шесть или семь великих людей... Ни государство, ни народ, ни даже человечество не существуют сами по себе; цель заключена в их авангарде, в великих «одиначках», святых и представителях искусства... Человечеству следует беспрестанно работать над тем, чтобы создавать отдельных великих людей. Это, и ничто другое, является его задачей».

Героическое имело место и тогда, когда Рихард Вагнер, долгие годы состоявший в дружбе с Ницше, колдовал над своими партитурами. Композитор прошел путь от неудавшегося революционера и критика капитализма до по-настоящему очень талантливого обиралы господствующего класса. На деньги баварского короля Людвига II, страдавшего небольшим помешательством, Вагнер построил в Байройте свой собственный

пантеон*. Уже в 1876 г., т.е. в год открытия, пантеон полностью проявил свою притягательную силу, — силу своего воздействия на публику, типичную для эпохи грюндерства. Многозначительная музыка Вагнера, наполненная звучанием гегелевский Абсолютный дух, как и его другие музыкальные темы, заимствованные в своем большинстве из германской и древнегерманской истории, пришлись по вкусу националистически настроенной буржуазии.

И хотя Вагнер был гениальным композитором, все же большие способности он проявил как финансист. Не имея ни гроша в кармане, с помощью одной лишь ярко выраженной силы воображения он сумел выколотить сотни тысяч марок на строительство дворца для проведения всевозможных торжеств. Он, например, убедил опьяненного красотой баварского короля Людвига II в том, что тот ничто в царстве искусства, а он, Вагнер, самый настоящий князь там. Король, для которого правление страной не значило ничего, а искусство было очень дорого, поспешил покрыть наметившийся у Вагнера дефицит в средствах непрерывными денежными пожертвованиями.

«Все рассчитано на производимый эффект»

Ничто так сильно не импонировало истинным титанам периода грюндерства, как манеры самоуверенного, высокопарного поведения. Поэтому самые умные представители искусства стремились подогнать свой образ жизни под представления о нем своих меценатов. Лучше всего это удалось «живописцам-князьям» Хансу Макарту и Францу фон Ленбаху. Техника, в которой писал Макарт, была совершенной. Он отдавал предпочтение крупным полотнам, исполненным в стиле и на мотивы эпохи Возрождения. Чтобы добиться оптимальной сочности картины, некоторые краски он смешивал с металлическим порошком, а в качестве основы брал не холст, а битумированный картон.

В своем многогранном труде «Вехи германской культуры с 1870 г. до настоящего времени» Рихард Хаман и Иост Херманд писали о Макарте, оборудовавшем для себя за государственный счет громадное помпезное ате-

* Пантеон [гр. pantheon pan все + theos бог] — монументальное здание, где хранятся остатки выдающихся деятелей.

лье на венском Гутсхаузгассе: «Все рассчитано у него на производимый эффект, на опьяняющий дурман и декорации. Пожалуй, самым роскошным экспонатом было его ателье, меньше походившее на мастерскую художника, чем на музейный павильон, весь заполненный самыми разнообразными произведениями искусства и предметами роскоши, которые были подобраны таким образом, чтобы они производили на почитателей впечатление гигантского полотна, написанного в стиле барокко. Время посещения: с 16 до 17 час. Аристократы и финансовые тузы платят по двойной таксе».

«Государственная студия» Макарта, за финансирование строительства которой князь Константин фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрст ходатайствовал перед императором Францем Йозефом I, описана в 1886 г. искусствоведом Робертом Штясны: «Там на богато украшенном орнаментами немецком ларе в стиле ренессанс можно увидеть китайский идол или эллинскую Анат, выполненные из терракоты; под балдахином, поддерживаемом двумя витыми колоннами эпохи позднего Рима, — латы воина; в узком односторчатом шкафу староитальянской работы блистает своим великолепием коллекция восточных тубетеек, расшитых золотом и жемчугом; глазам посетителей представляется женский поясной портрет, помещенный в фантастически красивую деревянную рамку, которая установлена на высокой каминоподобной подставке; картину с двух сторон обрамляют эффектные Аллегории; ковры из Смирны и гобелены покрывают стены, на которых контрастно выделяются прекрасные копии с картин старых итальянских и голландских мастеров; люстры, лампы необычайных форм, светильники в виде женских фигур заставляют скользить взгляды вверх, к потолочным фрескам; античное и средневековое оружие украшает дверной архитрав, а там заполняет угол. И сидя на удобной мебели и инкрустированных стульях в окружении бюстов, скелетов животных, мумий, олеандров и музыкальных инструментов, люди мало-помалу приходят к постижению гармонии искусства в беспорядочно бушующем и кажущемся пустым великолепии».

Позировали дамы из общества

Художник привык принимать заказчиков и поклонников среди всей этой рухляди, подобно владетельному князю. Когда он в 1873 г. в своем ателье выставил широкоформатную картину «Въезд императора Карла V в Антверпен», здесь побывало 35 тыс. человек. Венцев привлекал сюда не только чисто художественный интерес. Своего рода приманкой служил пущенный Макартом, который был хорошим психологом, слух, что он якобы писал портреты молодых придворных дам в коротких, легких одеждах с дам высшего света Вены.

Макарт и его коллеги по призванию умели мастерски удовлетворять тщеславие своей состоятельной клиентуры. Свои картины они драпировали плюшевыми гардинами, которые привыкли распахивать театральным жестом, едва только появлялся заказчик с толстым кошельком. Такие художники, как Макарт, Ленбах, Пилоти или Гляйре, в лучшие свои годы брались за кисть, только если уже имели твердый и хорошо оплаченный заказ.

Торговец Николаус Эдлер фон Думба с мастерством продемонстрировал, что же представляет собой «венский парадный стиль». Для внутренней отделки своего построенного в 1870 г. городского дворца он пригласил сразу двух самых дорогих художников: Макарт оборудовал и обставлял рабочий кабинет хозяина, а Густав Климт, не менее известный художник, работавший в стиле модерн, — музыкальный салон. Дворец Думба представлял собой самый настоящий «винегрет» различных направлений и стилей, театр абсурдов с постоянной сменой картин и декораций на сцене.

Менее зажиточные обожатели Макарта утешались тем, что заказывали себе шляпы тех фасонов, в которые мастер привык одевать дам на своих картинах. «Шляпы Макарта» в один миг стали очень популярным фирменным товаром. То же самое происходило с «воротничком Макарта» и «букетом Макарта», составленным из высушенного камыша, трав, осенней листвы и пальмовой ветви. В годы грюндерства он непременно присутствовал в любом доме буржуа, в котором хотели иметь что-то на его «вкус».

Макарт, художник-князь

Князья-художники превратились в настоящих идолов просвещенной публики благодаря тому, что устраивали пышные публичные торжества. Это были балы искусств или торжественные шествия, на которых великие эпохи в истории человечества отображались с помощью декораций и при участии актеров в театральных костюмах. «Одним из крупнейших событий подобного рода было организованное Макартом в Вене в 1879 г. шествие. Оно продолжало жить в рассказах современников, бывших в упоении от него. По своей пышности и великолепию красок с ним не мог идти ни в какое сравнение даже торжественный въезд в город князя. «Вероятно, в мыслях художника постоянно витали представления о больших триумфальных шествиях эпохи Возрождения и барокко, для которых такие мастера живописи, как Дюрер и Рубенс, создавали проекты триумфальных ворот», — делают предположение Рихард Хаман и Иост Херманд. «Куда ни брошишь взгляд, всюду видишь тела, праздничные наряды, оружие и лошадей, цветы и венки. Театральное представление в любом смысле этого слова: театр, маскарад! Не история, а праздник искусств!»

Если Макарт жил в Вене, то Михаэль фон Монкачи устроил свою резиденцию в Париже. Собственно говоря, его имя было Михаэль Либ, и был он бедным учеником столяра в тот момент, когда открыл в себе талант к живописи и чутье угадывать желания публики. В течение всего нескольких лет он сколотил себе солидное состояние, создавая жанровые картины драматического плана (типичный для него мотив: «Последний день приговоренного к смерти»). Затем он женится на французской баронессе, и, наконец, он строит барский дом на фешенебельной авеню де Вилье, в котором он мог устраивать приемы на 800 человек.

В Мюнхене не меньшие расходы имел Франц фон Ленбах, который в созданных им портретах воздавал должное, пожалуй, прежде всего, чувству собственного достоинства грюндеров. Он занимал не один городской дом, а располагал несколькими дворцами в стиле ренессанс, которые находились, само собой разумеется, не позди хорошенького палисадника, а в центре просторно раскинувшегося парка с фонтанами в стиле ба-

рокко. «Спрашивается, откуда такой художник возьмет время для работы, если ему предстоит устраивать праздники и подчеркивать свое высокое положение в обществе, если ему нужно постоянно заботиться о сохранении и приумножении своего состояния, если он, подобно рантье крупного масштаба, должен каждодневно изучать курсовые бюллетени и делать соответствующие оценки», — терялись в догадках Хаман и Херманд.

Потребность в «величии»

Если мастер приглашал знатных людей своего времени — царствующих особ, министров, крупных землевладельцев и промышленных баронов — на сеанс в свою роскошно отделанную студию, то держал себя свободно и непринужденно, как и сами приглашенные. Это не отношения, принятые между клиентами-заказчиками и исполнителем заказа, а встреча между господами, обладавшими властью, и метром, обставившим все с большим блеском и великолепием. Самым известным объектом творчества Ленбаха был Бисмарк, с которого он написал десятки портретов. Для многих художников своего времени рейхсканцлер был просто человеком, наделенным большой властью, живым воплощением ницшеанского «сверхчеловека».

Словно полубоги из совершенно другого мира, сверху вниз взирали на простую публику написанные Ленбахом истуканы, взгляд был мрачен, полон раздумий и собственной значимости. Ведь в своем презрении к людской толпе представители высшего света были неизменно едины. Неравенство (людей), зависимость (рабочих), недружелюбие (между собой) — в этом заключалось их кредо, как-никак Французской революции не исполнилось еще 100 лет!

Потребности грюндерского периода в «величии» и благородстве породили столь различные по своей природе феномены, как культ Гете, «Кольцо» Вагнера, «Заратустру» Ницше, крупновскую виллу «Хюгель», венский Ринг и баварские королевские замки. Ни одна идея не представлялась художникам-монументалистам этой эпохи чересчур смелой. Разве можно было вообразить себе что-то такое, что нельзя было бы осуществить. Фердинанд Лессепс отделил Африку от Азии Суэцким каналом. В Париже барон

Жорж Ойжен Хаусман провел огромные просеки по облику города, складывавшемуся веками. Под Рюдесхаймом на Рейне архитектор Карл Вайсбах и скульптор Иоганнес Шиллинг воздвигли 38-метровый «памятник немецкой нации», отлитый из бронзы и весивший 75 т.

Герои, созданные немецким умом, с большим удовольствием воздавали почести крупным историческим фигурам независимо от того, какое имя они носили – Гете, Лютер или Микеланджело. Так, весьма начитанный для своего времени искусствовед-историк Герман Гримм обожествлял своих друзей-гениев: «Породнившись между собой, словно члены невидимой аристократической семьи, они стоят перед нашим взором вплотную друг к другу в каком-то светлом облаке: столетия и национальности не разделяют их; Рафаэль и Фидий протягивают друг другу руки; Фридрих Великий стоит к нам не ближе, чем Цезарь, а Платон и Гомер находятся от нас не дальше, чем Гете и Шекспир... Безотчетно мы кладем к их ногам все то значительное, что происходит в мире, и ожидаем их приговора».

«Обогащайтесь!»

Хайнрих фон Трайчке, придворный историк грюндеров, задает тот же самый тон, когда воспевает Гете: «Он вступил на свое поприще, полностью осознавая свою исключительную одаренность, и призвал свояка Кроноса трубить в рог, чтобы в подземном мире услышали: идет князь!» Фридрих Ницше поставил понапрасну ждать еще одного, когда он за эталон своего «сверхчеловека» принял великого негодяя эпохи Возрождения Чезаре Борджиа и прославил его как «опасного, прекрасного хищника», который одним ударом лапы разрушил все буржуазные представления о морали.

Совершенно ясно, что поклонники исключительных, необычных людей, обитавшие в художественной среде, всегда находили пригодные на все случаи жизни мотивы, оправдывавшие нечестивую охоту за деньгами. Как в прошлом ханжи и святоши, они объявляли богатство праведным вознаграждением за ведение жизни, угодной богу. «Обогащайтесь!» – так звучал категорический императив периода грюндерства, импортированный из Франции. Богатый является

богатым милостью божьей, бедный беден по той же причине. Таково было мировоззрение социал-дарвинистов. Иными словами, буржуазия, в сущности, копировала уловки аристократии, которая на протяжении сотен лет божьим милосердием отстаивала свои притязания на господство.

Разумеется, было бы неправильно оценивать значимость периода грюндерства только по официозному искусству поклонников кюльта героев. На самом деле период 1835...1890 гг. был одним из самых плодотворных в истории европейского искусства. Помимо чопорной и скучной придворной живописи Антона фон Вернера, оно было представлено весьма точным в деталях реализмом Адольфа фон Менцеля, романтическими картинами Каспара Давида Фридриха, аллегориями Арнольда Беклина, идиллическими сценками Шпицвега.

В Германии успешно развивалась школа первоклассной крестьянской живописи, лучшими представителями которой были Вильгельм Ляйбл и Франц фон Дефреггер.

Понятие «грюндер» было оскорблением

Во Франции представители Барбизонской школы живописи создавали отличавшиеся хорошим настроением пейзажи, а импрессионисты и пуантилисты начали опрокидывать законы академической живописи. У нынешних знатоков искусства эта «антикультура» пользуется большим уважением, чем придворная живопись, которая в те годы была увенчана славой.

Невозможно себе представить, что в Германии будто не было в области культуры никакой оппозиции оппортунизму грюндерских лет. Напротив, берлинский сатирический журнал Кладдерадач («Трах-тарарах») неизменно помещал на своих страницах едкие карикатуры на грюндеров, да и само это понятие на первых порах имело пренебрежительный оттенок. Генрих Цилле подвергал острой социальной критике «рабочую среду» Берлина, создавая карикатуры на весьма злободневные темы. Точно так же и писатель Фридрих Шпильхаген в своем наделавшем много шума романе «Штормовой прилив» всячески поносил спекулятивную лихорадку грюндеров: «Граф дал знак; он мог уже

не удивляться, что в следующие полчаса разговор шел исключительно о делах. С его стороны он велся столь старательно и заинтересованно, что кровь ударила ему в голову. Он осушал стакан за стаканом.

В разговоре перешли от «Кайзерин-кенигин-хютте» к «Нидерзекише машиненфабрик», от нее к Берлинской северной железной дороге, а от этой последней к Берлинско-Сундинской дороге. Господа могли сообщить интереснейшие подробности из ее истории, из истории железной дороги, которая после столь блестящего почина стояла на грани банкротства. Но так все выглядело только в глазах людей, которые не знали, что курс ценных бумаг искусственно понизили, чтобы получить возможность скупить обратно акции, те самые акции, курс которых должен был вновь пойти вверх, т.е. воскреснуть из пепла, как птица феникс. И это произойдет, как только получат концессию на продолжение строительства дороги.

Хотел бы господин граф принять в этом участие? Теперь как раз самый подходящий момент! У господина графа нет наличных денег? Это просто шутка! В этом деле деньги вообще не играют никакой роли! Сколько желает господин граф? 50 000? 100 000? 150 000? Господину графу остается лишь назвать сумму! Господин граф не должен был ничего дарить! Заявление господина графа, что он, возможно, войдет в дирекцию железной дороги на острове, само по себе оценивается единомышленниками в 50 000. «Ловлю господ на слове», — вскричал граф».

Дорога на Луну

Чуть позже автор высмеивает гигантоманию грюндерских прожектеров: «Объектом должна стать дорога по воздуху на Луну, при этом сохраняется право на продолжение дороги до Большой Медведицы. Это произойдет в момент, когда человек на Луне посеребрит на предприятии свой последний золотой рог. В качестве акционерного капитала Филипп предлагает семь миллиардов неподвижных звезд. В ответ на это нотариус общества считает себя вправе напомнить о том, что этот сорт монет может породить на бирже неприятные ассоциации идей. Не окажут-

ся ли более доверительными «кометы»? Ну, а кроме того, их должно было бы быть десять миллиардов, поскольку многие из них находятся на неверном пути и их даже с помощью громадных весов невозможно было бы отличить от метеоритов. 10 миллиардов были подписаны в одно мгновение».

Не менее дерзко, только гораздо искуснее расцарапывал Генрих Гейне национальную гордость немцев. По поводу памятника Арминию в Тевтобургском лесу, сооруженного в 1838...1875 гг. по проекту Эрнста фон Банделя в Готенбурге под Детмольдом, ему на ум пришли следующие стихи:

Вот он, наш Тевтобургский лес!
 Как Тацит в годы оны,
 Классическую вспомним топь,
 Где Вар сгубил легионы.
 Здесь Герман, славный херусский князь,
 Насолил лагинской собаке.
 Немецкая нация в этом дерьме
 Героем вышла из драки.
 Когда бы Герман не вырвал в бою
 Победу своим блондинам,
 Немецкой свободе был бы капут
 И стал бы Рим господином.
 А Шеллинг бы, Сенекой став, погиб,
 Сраженный таким конфликтом,
 Корнелиус наш услышал бы тогда:
 «Sacartum non est pictum!»
 Слава господа! Герман выиграл бой,
 И прогнаны чужеземцы,
 Вар с легионами отбыл в рай,
 А мы по-прежнему — немцы.
 Наш Раумер — тот же немецкий босяк,
 Хоть дан ему орден, я слышал,
 И шпарит рифмами Фрейлиграт:
 Из него Гораций не вышел.
 О Герман, благодарим тебя!
 Прими поклон наш низкий!
 Мы в Детмольде памятник ставим тебе,
 Я участвую сам в подписке**.

Те, кто не заразился грюндерской лихорадкой и не хотел глумиться над этой страстью, находили целительный отдых в тривиальных романах Хедвиги Куртс-Малер, пробирались через Дикий Запад Карла Моя по следам «Сокрушающей руки». В высших кругах говорили о «прекрасной эпохе» (1888...1899) или о «конце века». В 1888 г. в

* «Пачкотня — не живопись!» (лат)

** Генрих Гейне. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1981, т. 2, с. 391...392.

Париже состоялась первая постановка одноименной комедии. В обоих случаях имелось в виду одно и то же, а именно чувство того, что ты живешь в столь прекрасное, дающее наслаждение время.

Время расцвета кафе

В те времена любимыми литературными героями были Сноб и Дэнди, а в Вене еще и граф Бобби. Жизнь разбогатевших в период грюндерства бездельников протекала главным образом в частных салонах или общественных кафе, таких, как «Демель» в Вене или «Кранцлер» в Берлине. Там обсуждали самое последнее «дело», которое с невероятной точностью вновь раскрыл Шерлок Холме, умелый детектив Артура Конан Дойля. Или сплетничали по поводу мемуаров художника Ансельма Фойербаха, в которых он признавался, что покинул Вену в гневе, вызванном успехами его конкурента Ханса Макарта.

Ехали на воды – в Киссинген или Мариенбад – и боялись венерических болезней, приходили в восхищение от великолепных конных статуй Райнольда Бега (как перед рейхстагом в Берлине), в шикарном вагоне-люкс новых железных дорог листали путеводители Карла Бедекера и, пожимая плечами, выслушивали сообщение о том, что в 1880 г. в Бремене был создан немецкий клуб для занятия «футболом», игрой, привезенной из Англии. В первую же очередь они были заняты тем, чтобы утвердить свое положение в обществе позднего грюндерства.

Ведь в этом отношении ничего не изменили ни революция 1848 г., ни трудолюбие грюндеров, ни даже честолюбие буржуазии, стремившейся сколотить состояние и получить образование. В результате до окончания первой мировой войны Германия оставалась сословным государством. Процесс индустриализации дал немногим возможность сосредоточить в своих руках огромные богатства. Он не ликвидировал, а обострил социальные противоречия.

Вот почему Хаман и Херманд критически отмечали: «Разбогатевшая буржуазия могла теперь свысока взирать на рабочее сословие, что позволяло ей воспринимать себя существом более высокого порядка. Поэтому принадлежащий буржуазии капитал не стал

освободителем. Напротив, он прилагал все усилия для того, чтобы на базе денежной собственности и получения денег вновь оживить старые формы рангов и сословий. Так, при приеме лиц в офицерский корпус определенную роль наряду с родовой аристократией неожиданно стал играть и капитал».

«Физический труд бесчестит»

Присвоение буржуазии, крепкой в финансовом отношении, таких титулов, как, скажем, коммерции советник, или возведение ее в дворянское сословие сделали для образования новой касты больше, чем требовалось. Сыновья рабочих с самого начала не имели никаких шансов попасть в среду офицеров. Впрочем, этого лишились и сыновья состоятельных родителей, которые зарабатывали деньги еще вполне очевидным для других способом. Это были, например, торговцы, продолжавшие стоять за прилавком вместо того, чтобы заставлять работать на себя других, как это уже делали предприниматели и фабриканты. «Физический труд бесчестит», – говорили в этих кругах.

Уловкой, с помощью которой аристократия делала нарождавшуюся буржуазию сговорчивой, было провозглашение ею идеала «знатности». Быть просто трудолюбивым, а следовательно, и богатым теперь оказывалось уже недостаточно. Чтобы стать знатным, следовало шире копировать манеру поведения аристократии. Нуворишей высмеивали как простых выскочек, и в светских кругах потешались над их неловкостью. Чем больше выскочки приспосабливались к «старым» деньгам, тем прочнее становились позиции высших слоев дворянской аристократии.

Представители искусства прилагали немалые усилия для того, чтобы укрепить существовавшие в социальном положении различия. По этому поводу Хаман и Херманд писали: «Между родовой и денежной аристократией на одном полюсе и духовной аристократией – на другом лежала целая пропасть с точки зрения их положения в обществе и социального восприятия окружающего. Трайчке охарактеризовал эту пропасть давнему полузвериному ненавистью лейтенанта к профессорам. Представители искусства того времени старались преодолеть ее за счет содержания у себя истинно княжеского двора, что

стоило громадных денег. Одновременно они выходили на тот социальный уровень, который препятствовал их духовному творчеству. И все же некоторым из них удавалось пребывать в обществе королей и дворянской аристократии».

Ставя философов и историографов по величии духа на верхние ступени иерархичес-

кой лестницы, представители искусства делали их равными себе и тем самым дестабилизировали положение буржуазии, стремившейся владеть вполне осязаемым состоянием. Самих себя они причисляли к лагерю власти имущих, т.е. прибегали к уловкам, на которые еще и сегодня попадает мелкая буржуазия Западной Германии.

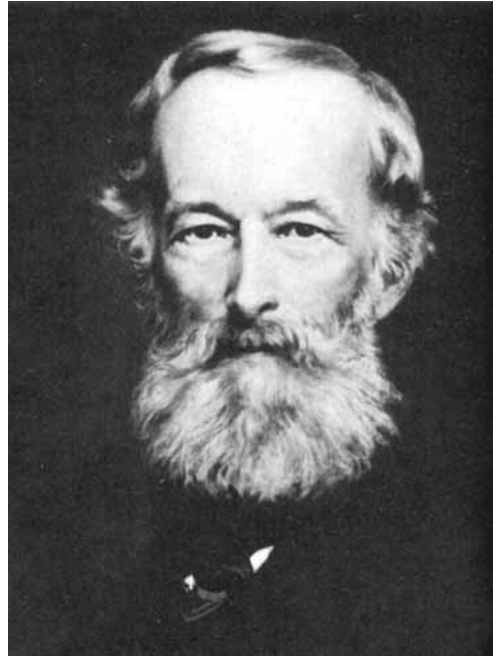
МОНСТР ПО ИМЕНИ КРУПП

Самая удачливая – что касается богатства, могущества и удачливости – фигура среди основателей тяжелой промышленности последнего столетия не может быть, собственно говоря, даже названа грюндером в прямом смысле этого слова: Альфрид (позднее он стал именовать себя Альфред) Крупп, родившийся в 1812 г. в г. Эссене и уже в нежном возрасте 14 лет считавшийся «фабрикантом». Империя, которую Альфред Крупп создавал на протяжении 75 лет жизни, до 1967 г. носила имя его отца – Фридриха Круппа из Эссена.

Что же все-таки представляла собой фирма, бразды правления которой взял в свои руки после смерти отца этот долговязый и тощий как жердь юноша с бледным лицом? Имеет смысл поподробнее познакомиться с этой стороной дела, несмотря на то что история дома Круппов была изложена уже в многочисленных описаниях жизни, то благоговейно-восхищенных, то наполненных завистью и ненавистью или же проникнутых неприкрытым цинизмом. Потому что жизнь этого Альфреда (иначе Альфрида) Круппа в ее патологической увлеченности и одержимости отражает все безрассудство авантюры под названием «промышленность», включая ее гуманные и разрушительные аспекты.

«Имя Крупп звучит подобно хриплому лаю недалекой уже гаубицы, жестоко и угрожающе», – считал Бернт Энгельман. Или: «Рабочий был для него самым дорогим товарищем, потому что он был одним из них», – восторгался во времена Гитлера официальный биограф Круппа Вильгельм Бердров.

Возникает вопрос, было ли большим, чем простой случайностью, то, что именно Круппы стали самой состоятельной в Европе семьей, вызывающей у всех чувство страха перед династией «пушечных королей», людьми, которые в разное время давали работу более чем 100 тыс. рабочих и командовали са-

Альфред Крупп

мым крупным промышленным комплексом Германии? Имей семья Круппов счастья одной крупинкой меньше, уже в первой четверти прошлого столетия все дело могло бы завершиться обычным банкротством. Основатель фирмы Фридрих был полнейшей бездарью, которого его более везучий сын, вероятно, не принял бы в свою контору даже в качестве посыльного.

«Фабрика», оставшаяся после Фридриха, состояла из полуразвалившегося строения и находилась в одном часу пути к северу от Эссена на реке Берне. В этом сарае слонялись без дела пятеро брюзжащих рабочих, уже длительное время не получавших заработ-

ной платы. Когда 8 октября 1826 г., не достигнув возраста 40 лет, основатель предприятия умер от воспаления легких, оно уже давно пришло в упадок. За год до его смерти предприятие вычеркнули вначале из списка налогоплательщиков, а затем и из торгово-промышленного реестра города. После смерти главы семейства вдове и его четырем детям осталась лишь куча долгов.

«Круппша с кошкой-копилкой»

Однако никто из носивших имя Крупп не имел права банкротиться. Эта династия, в течение столетий проживавшая в Эссене, не могла пережить такой позор. Первый Крупп в династической линии (его именовали еще Крупе) был занесен в книгу жителей Эссена уже в 1587 г., а в конце Тридцатилетней войны его внук Маттиас стал городским секретарем, т.е. занимал высокую должность, которую семья удерживала за собой более 100 лет. Круппы торговали винами и водкой, домами и земельными участками, а также оружием и патронами.

Городской секретарь, носивший имя Дитрих Крупп, был уже самым крупным в Эссене налогоплательщиком, что, впрочем, не много значило, так как сегодняшняя промышленная метрополия в ту пору представляла собой сонный провинциальный городок, насчитывавший всего 3 тыс. жителей. Самой примечательной фигурой среди тех ранних Круппов была женщина, а именно Холена Амалия Ашерфельд. Девятнадцатилетней девушкой она вышла замуж за сорокапятилетнего Фридриха Йодокуса Круппа, которого пережила на 53 года (муж умер уже через 6 лет после заключения брака). Эта дама известна тем, что ее прозвали «Круппшей с кошкой-копилкой»: в наследство от своего усопшего супруга она получила толстые пачки наличных денег, которые предпочитала носить на себе, обвязав их вокруг талии.

Столь же умная, как и красивая, вдова, бабка будущего банкрота Фридриха, со всем рвением отдавалась делам. Массово скупала она недвижимость, расширила торговлю семейства Круппов за счет красок и текстиля, приобрела небольшую фабрику, на которой изготавливался нюхательный табак, и, наконец, агентство по распространению лотерейных билетов. Она была первым в семье человеком, который проявил интерес к зарожда-

шейся горной и металлургической промышленности. Амалия Крупп, урожденная Ашерфельд, как она себя сама именовала, в 1800 г. купила у разорившегося владельца в Штеркраде под Оберхаузенем заброшенный металлургический завод «Добрая Надежда», который явился зародышем крупнейшего в Европе машиностроительного концерна «Гутехоффнунгсхютте». Семь лет спустя она перевела этот завод, производивший кухонные приборы и сельскохозяйственные орудия, на имя своего девятнадцатилетнего внука Фрица.

Юный сорвиголова основательно разорил небольшое, но солидное предприятие. Вскоре после женитьбы своего явно бесталанного внука энергичная бабушка, не спрашивая его, с большой выгодой продала завод одному из родственников. Впрочем, у покупателя не было оснований сожалеть об этой сделке. Его звали Хайнрих Гуиссен. Совместно с Герхардом и Францем Ханиэлями, с которыми он находился в прямом родстве, и дальним родственником Готлобом Якоби он уже длительное время управлял процветающим торговым предприятием в Руре. Потомки тех энергичных деловых партнеров

Амалии Крупп, разросшиеся в клан, насчитывающий около 500 персон, еще и сегодня сохраняют контроль над «Гутехоффнунгсхютте», в то время как ни один носитель имени Крупп уже длительное время не оказывает влияния на ведение дел одноименного концерна.

Все началось с конкурса

Семья Круппов не позволила разориться Фридриху. Со своей прелестной, но не слишком много имевшей в голове женой Терезой, урожденной Вильгельми, которая продолжала и в супружеской постели играть с куклами, Фридрих, этот разорившийся владелец металлургического завода, переехал наительство в дом бабушки на Флакмаркт в Эссене. Бабушка Амалия, разменивая к тому времени седьмой десяток, еще раз ссудила ему 10 тыс. талеров, приличную по тем временам сумму, после того как Фридрих изложил ей свой план — присоединиться к консорциуму купцов, которые хотели обойти объявленную Наполеоном континентальную блокаду и ввозить из Англии контрабандой такие колониальные товары, как кофе, индиго, пряности, что обещало большие барыши.

Однако и эта затея провалилась. Французы ужесточили контроль и конфисковали партии товаров, в финансировании которых участвовал Крупп. Фридрих опять оказался на грани банкротства. Но тут весной 1810 г. умерла его бабушка, оставив ему в наследство третью часть своего солидного состояния. С этого момента, собственно говоря, к начинается история основания дома Круппов, ибо уже дважды разорившийся молодой предприниматель, получив наследство, вознамерился с его помощью начать нечто совершенно новое и необыкновенное. В этом отношении он может считаться грюндером, хотя он никогда не был на высоте своего дела.

Два события послужили поводом для создания предприятия, которое молодой Крупп несколько высокопарно назвал «Новой фабрикой по производству литой стали». Первым был своего рода конкурс, организованный Наполеоном I в связи с континентальной блокадой. Французский император предложил вручать изобретателям и предпринимателям большие премии, если они внедрением новых продуктов и технологий помогут улучшить тяжелое положение со снабжением, вызванное проводимой им континентальной блокадой. Одним из импортных товаров, отсутствие которого ощущалось наиболее остро, была сталь из Англии.

В действительности ни одно предприятие на континенте не могло производить в то время литую сталь, которая была необходима, хоть и в небольших количествах, для изготовления ножей, ножниц, а также небольших валков и монетных чеканов. Тщеславный молодой господин из Эссена не мог даже и подозревать, что наступит время, когда сталь будет перерабатываться не килограммами, а тоннами. Им руководило в первую очередь стремление получить императорскую премию в размере 4 тыс. золотых франков.

Проворные господа Крехель цу Кехлау

Франки, казалось, были уже в пределах досягаемости, когда однажды, как бы посланные благосклонной судьбой, в дверь постучали два бойких и красноречивых господина. Их звали Карл Георг Готфрид и Вильгельм Герог Людвиг фон Крехель цу Кехлау. Они отрекомендовались как офицеры в отставке из

Ансбаха и утверждали, что знают секреты изготовления литой стали, так ревниво оберегаемые англичанами.

Не в силах противостоять столь благоприятному стечению обстоятельств, Фридрих Крупп 20 ноября 1811 г. в присутствии нотариуса Теодора Шаумбурга заключил с двумя незнакомыми ему обладателями секретов договор о создании общества. В нем говорилось: «Учредители согласились в том, чтобы заложить здесь, в Эссене, совместную фабрику по производству английской литой стали и всех изготавливаемых из нее продуктов. По договору эта фабрика делится между тремя учредителями на три равные части. Капитал или фонд, необходимый для работы фабрики, ссужается господином Фридрихом Круппом, коммерсантом, из 4%, которые вместе с предоставленным в ссуду капиталом относятся на счет деятельности фабрики».

Биограф семьи Круппов Вильгельм Бердров с грустью вспоминает: «К сожалению, из трех заключивших договор только один выполнял свои обязательства: этим лицом был Крупп». Оба франкских «фабриканта» выпотрошили неопытного кредитора, как рождественского гуся. Вначале Фридрих оборудовал им для «экспериментов» сарай позади дома на Флаксмарт, затем два усердных господина Крехеля уговорили его поставить производство на широкую ногу. Всего через три недели после заключения договора Фридрих Крупп купил за большие деньги у своего брата Вильгельма сукновальню на берегу реки Берне и оборудовал двухэтажное строение всем необходимым для плавки стали.

Подозрительная тишина на фабрике

К этому времени в доме будущего производителя литой стали произошло радостное событие: 26 апреля 1812 г. Тереза Крупп родила второго из четырех ее детей. Продолжатель рода, который появился на свет через три года после своей старшей сестры Иды, был окрещен Альфридом. И как надеялся гордый отец, в первые крики маленького крепыша должен был влетаться гул молота на сукновальне. Но на крупповской фабрике литой стали оставалось подозрительно тихо.

Хотя за прошедшее время было принято на работу 3...4 рабочих и выросли запасы чугуна, за три года, в течение которых господа

Крехели начинали все новые эксперименты, не было отлито ни одного грамма стали. Между тем владелец металлургического завода Крупп за заслуги в индустриализации региона был избран в городской совет, а на свою «фабрику» он выложил в общей сложности не менее 32 тыс. имперских талеров.

Наследство покойной вдовы Крупп, урожденной Ашерфельд, было благополучно промотано, а родственники настойчиво отказывались раскошелиться на сумасбродные забавы Фрица. Подобно Наполеону, зачинщику злополучного конкурса, после поражения великой армии в России, в битве народов под Лейпцигом и других освободительных войнах, Фридрих Крупп также оказался перед грудой развалин. Биограф Бердров отмечал в связи с этим: «Фабрика бездействовала, литую сталь получить не удалось, даже напильники едва удавалось сбывать, континентальная блокада была снята, английская сталь беспрепятственно, почти беспошлинно стала снова поступала в страну».

Грюндер снова попадает впросак

В ноябре 1814 г. Крупп с тяжелым сердцем рассчитал господ Крехелей, однако не мог отказаться от своей блестящей идеи. Разоренный в финансовом отношении городской советник с трудом сам приводит молот в движение. Уже из чувства самоуважения он не должен был отказываться от своей мечты. Отступи он сейчас, его репутация в Эссене была бы навсегда загублена. Только это, и ничто иное, было мотивом, который вынуждал его все глубже увязать в афере со сталью.

В отчаянии цеплялся он за любую соломинку. Так, он ухватился за объявление в Вестфелишер анцайгер, в котором летом 1815 г. некто Фридрих Николаи объявлял себя владельцем патента прусской королевской инспекции горного надзора, в соответствии с чем ему предоставлялось исключительное право на изготовление литой стали. Фридрих Крупп был вновь убежден в том, что нашел нужного партнера. Он незамедлительно установил контакты с Николаи, и тот произвел на Фридриха Круппа хорошее впечатление. Ротмистр Николаи располагал всем необходимым для того, чтобы наладить сталелитейное производство: прекрасный патент, многолетний опыт, который он приобрел на металлургическом заводе «Карлс-

хютте» под Клаусталем и даже согласие правительства на предоставление ему кредитов.

Решающий вопрос, зачем же тогда незнакомец нуждался в нем, разорившемся владельце металлургического завода, пришел на ум Круппу чересчур поздно. Потому что и это предприятие, скрепленное еще более фантастическим договором от 18 июля 1815 г., закончилось, как и все предыдущие. «Николаи унд Крупп», как теперь называлась фирма, не производила, кроме поступавших крупных денежных счетов, ничего достойного упоминания. Господин ротмистр обосновался вместе со своей молодой женой в перестроенном с комфортом домике рядом с сукновальней, и постоянно докладывал о захватывающих успехах своему компаньону, который по условиям договора должен был держаться подальше от фабрики.

Передовое предприятие финансировалось, этому не приходится удивляться, исключительно самим господином Круппом, у которого в результате еще одной смерти в семье и связанного с ней наследства вновь завелись наличные деньги. Лишь в апреле 1816 г. до Круппа, без устали подчеркивавшего в Эссене свои заслуги, дошло, что он опять обманут.

Однако ротмистр был гораздо более неприятным противником, чем господ фон Крехели. Когда рабочие, которых надули с заработной платой, начали бунтовать, он обратил оружие противника против самого Круппа и в жандармерии обвинил его в покушении на убийство: «Вас наверняка обрадует, что попытка убить меня и мою семью из-за угла не удалась...» Оба экс-партнера предстали перед судом и взаимно обвиняли друг друга во лжи и обмане. Лишь когда ротмистр почувствовал, что в воздухе запахло жареным, он дал тягу под покровом ночи. Дома осталась лишь его жена Антуанетта, находившаяся на последнем месяце беременности, на которой Крупп, ставший посмешищем всего города, срывал свой гнев.

Либо свершить нечто великое, либо погибнуть

Для отпрыска старинной купеческой династии настало бы вроде самое подходящее время прекратить чудачества с выплавкой стали и попытаться удовлетворить свое про-

фессиональное честолюбие в более надежных сферах деятельности. Фридрих не был еще разорен, потому что семья владела еще значительным недвижимым имуществом. Его матери Петронелле принадлежали два дома в городе и также лесное подворье под Ратингеном, а тесть Вильгельми участвовал в самых различных предприятиях. Вот почему Фридрих мог бы без труда выпутаться из неприятностей и стать уважаемым членом семейного клана.

Но он не желал опускаться до уровня середнячка, а предпочитал либо свершить нечто великое, либо погибнуть. И в своем упрямстве этот Крупп седьмого поколения обнаружил действительно нечто похожее на величие. При всем этом он не имел ни малейшего представления о том, как, собственно говоря, должна изготавливаться литая сталь.

Все еще никакого понятия о стали

Единственный проблеск надежды, на который он мог рассчитывать, был связан с тем фактом, что Королевский монетный двор в Дюссельдорфе купил у него несколько чеканов. После бегства Николаи ему удалось в результате неустанных забот довольно неплохо наладить производство чеканов на своей сукновальне, и когда его посетил генеральный директор Государственного монетного двора в Берлине господин Гедекинг и вселил в него надежду на новые заказы, то у господина изготовителя литой стали словно понесли лошади.

Фридрих Крупп мог действительно поставить себе в заслугу, что именно он в 1816 г. изготовил первую немецкую тигельную сталь по технологии, которую англичанин Хантсмен открыл еще около 1740 г. Достижение Круппа имело, без сомнения, существенное значение для немецкой промышленности, потому что литая сталь предоставляла гораздо более широкие возможности, чем сварочная сталь повышенного качества, известная с начала XVII в. Из этого материала, который изготавливали путемковки и сварки сырой стали, полученной в кричном горне под молотом, на сотнях небольших предприятий в Зауэрланде производили такие инструменты, как напильники, зубила, сверла, болты, молотки, ножницы, пилы и ножи.

Однако сварочная сталь повышенного качества изготавливалась в ходе длительного, связанного с большими потерями времени процесса в сравнительно небольших количествах и не всегда первосортного качества. Кроме этого, к началу XIX в. была известна цементная сталь, пригодная почти исключительно для производства только грубых инструментов. Она изготавливалась в ходе многодневного процесса из плоских полос сварочного железа и древесного угля, помещенных в большие, выложенные кирпичом «ящики». Оба этих сорта стали намного превосходили более дешевая и одновременно более вязкая и твердая британская тигельная сталь, которая выплавлялась на островах уже в больших количествах и после окончания континентальной блокады наводнила беспопыльный немецкий рынок. Все это мог знать Фридрих Крупп, когда он колдовал на сукновальне над своими тиглями. Однако он определенно не имел никакого представления о том, насколько важной должна стать литая сталь для промышленности в эпоху железнодорожного строительства. Когда Крупп поставил Королевскому монетному двору свои первые чеканные штампы, он не понял еще всей проблемы получения стали. Он знал в принципе только, что нуждается в чугуне высокой чистоты, хорошо обессеренном коксе, огнеупорных тиглях, в бесперебойной подаче в достаточном количестве кислорода в тигли и обеспечении высокой температуры в печи.

Насколько ненадежен был его метод, обнаружилось уже в ближайших плавках, которые оказались сплошь неудачными. Однако Гедекинг поставил свое согласие на дальнейшие заказы а зависимость от качества крупновских штампов, которые должны соответствовать первым, уже удовлетворительным пробам. В своей обычной надменной манере нетерпеливый молодой предприниматель — ведь ему было всего 29 лет, — недолго думая, посчитал причиной ошибок конструктивные недостатки своей мини-фабрики.

Коварство капризного ручейка

Он незамедлительно наметил новые планы и в январе 1818 г. начал строительство третьей сталеплавильни, которая, по словам его биографа Бердрова, «могла бы удовлетворить потребности монетных дворов всего континента». В одноэтажном, вытянутом в

длину здания на берегу реки Берне, имевшем 11 печей, 10 ворот и 84 окна, Крупп был намерен производить ежедневно 90 фунтов литой стали. И все же предприятию, которое проглотило его последние резервы и довело до предела терпение всех его родственников, был предречен упадок.

Поскольку все деньги, которые Крупп смог раздобыть, он вложил в строительство, ему не хватило средств для покупки первоклассного чугуна, а из железных отходов, которые он использовал вместо этого для плавки в своих тиглях, даже при всем желании невозможно было изготовить хорошей литой стали. Несмотря на это, молодой фабрикант в довольно заносчивом тоне потребовал от прусского государства предоставления субсидий. Странные представления основателя будущего концерна комментирует Бернт Энгельман: «В Берлине, не в пример Эссену, вообще не проявили интереса к великолепной «фабрике для производства литой стали» госполина Круппа, которая, помимо основного недостатка, заключавшегося в том, что она не могла выпускать литой стали, имела еще один: снабжение ее энергией зависело от капризного ручейка Берне, коварный нрав которого должен был бы быть, собственно говоря, хорошо известен Фридриху Круппу. Уже в первый год после окончания строительства фабрика практически бездействовала. На протяжении нескольких месяцев стояла засуха, и превратившаяся в слабый ручеек речка не смогла приводить в движение водяное колесо».

Прошло еще два года, прежде чем наш грюндер, стартовавший с таким подъемом и блестящими шансами на успех, был вынужден признать, что он окончательно потерпел неудачу. После того как на все просьбы о финансовой поддержке, которые Крупп адресовал то своему тестю, то русскому правительству, то, наконец, Государственному монетному двору в Берлине, был получен отказ, Фридрих Крупп слег в постель.

Болезнь как последнее прибежище Фридриха Круппа

Исчерпав все свои возможности, фабрикант, которого уже давно высмеивали его эссенские сограждане, слег в постель. Между тем материальное положение его семьи все

ухудшалось и ухудшалось. Дом на Флакмаркт был продан, и Тереза Крупп вынуждена была переселиться со своим прикованным к постели мужем и четырьмя детьми — Идой, Альфридом, Германом и Фридрихом — в маленькую сторожку рядом с фабрикой, медленно приходившей в упадок.

Внешне Круппы, уже в течение столетий принадлежавшие к городской верхушке, сохраняли видимость благополучия. После того как Фридрих оправился от депрессии, он сам известил друзей, что его переезд был вызван «отчасти желанием поправить здоровье на свежем воздухе, отчасти же намерением иметь на месте возможность лучше и с большей пользой следить за производством на фабрике». Так продолжалось еще несколько лет. Семья скудно кормилась на подачки родни. Время от времени удавалось продать несколько напильников или небольших валков.

8 октября 1826 г. пионер производства литой стали в Германии в возрасте всего 39 лет навсегда закрыл глаза в результате «острого упадка сил». Его вдова быстро перешла к повседневным делам, написав другу Овербеку в Люденшайд: «Дело от этого ни в коем случае не пострадает, так как мой муж предусмотрительно передал секреты приготовления литой стали моему старшему сыну, и я буду продолжать дело с его помощью».

Требуется мальчик

Старшим сыном был бледнолицый, худощавый мальчик в возрасте 14 лет. Альфред Крупп, самый крупный предприниматель прошлого столетия — творение его жизни не имело аналогов не только в Германии, но и во всем мире, — находил всю свою сознательную жизнь под невероятным гнетом стремления к успеху. Он воочию наблюдал упорные, но тщетные попытки отца изготовить литую сталь, социальное падение семьи, злорадство родни, все проявления материальной нужды. Но его характер сформировался под влиянием безрассудной гордыни его матери, неральной атмосферы жизни в семье, которая стремилась любой ценой казаться большим, чем она была на самом деле.

В 14 лет он вынужден был оставить школу, чтобы содержать семью. Хотя он начал свою трудовую деятельность лишь в качестве одного из шести рабочих сталелитейни, кото-

рая скорее плохо, чем хорошо управлялась матерью и зятем Кристианом Фридрихом фон Мюллер, Круппы вели себя так, будто юноша оберегает бесценную семейную тайну. Будучи уже пушечным королем, Крупп рассказывал об этих годах: «С 14 лет я нес на себе заботы отца семейства, работая днем, размышляя по ночам о том, как преодолеть трудности. Выполняя тяжелую работу, часто ночи напролет я питался картофелем, кофе, маслом и хлебом, без мяса, сохраняя при этом серьезность отягощенного заботами главы семейства».

Обремененная долгами фирма, которая в течение нескольких последующих лет не приносила никакой прибыли, официально принадлежала матери, и Альфред в течение 22 лет работал как назначенный ею управляющий, не получая за свои услуги ни заработной платы, ни другого вознаграждения. Все, что приносило жалкое предприятие, шло на содержание семьи или сразу же тратилось на закупку сырья, инструментов и машин.

Условия, в которых молодой Крупп начал карьеру предпринимателя, были тяжелыми даже для того времени. Первые годы его профессиональной жизни могли бы быть значительно более легкими, если бы он ликвидировал жалкое производство на сукновальне и прошел положенную коммерческую выучку у своего дяди Карла Шульца или деда Вильгельми. Но поступить так не позволяла ему крупповская гордость, которая у молодого Альфреда была выражена еще ярче, чем у его отца.

Боязнь неудач

Побуждаемый болезненным страхом окатиться несостоятельным, как это случилось с его отцом, подросток трудится до полного изнеможения. Он проводит у тиглей все дни напролет, властно требуя при этом от рабочих, чтобы они обращались к нему «господин Крупп». В дополнение к своей дневной смене Альфред обрабатывает обширную деловую корреспонденцию, умиротворяя недовольных клиентов и выпрашивая у родственников новые субсидии. Затем снова до поздней ночи он ломает себе голову в литейной над причинами дефектов, которые все чаще были присущи крупповской стали.

На арендованной кляче Альфред раз в две недели регулярно объезжает районы между реками Рур и Зиг, пытаясь продать свои напильники и чеканные штампы. И так из года в год, без всякого видимого прогресса. Фирма все еще погрязает в долгах, о приборах не приходится и говорить. Но Альфред учится на ошибках. Он постигает, что сырье решающим образом сказывается на качестве его стали, и приобретает теперь чугун и железо только из одного источника, на кузнечном предприятии «Оземунд» в Верзетале, принадлежащем И. К. и Петеру Брюнингхаузам.

В результате его сталь действительно становится более мелкозернистой, благодаря чему повышается ее вязкость и твердость. Вскоре ему удастся доказать владельцам некоторых кузниц в Зауэрланде, что наковальни, изготовленные из крупповской литой стали, исключительно прочны. Однако вновь и вновь производство на его фабрике останавливается, когда мелеет Берне. В этом случае отливки с большими трудностями должны перевозиться в Штеркrade, на завод «Гутехоффнунгсхютте», где озабоченно морщат нос при виде твердой крупповской стали, потому что никакая другая сталь не поддается ковке с таким трудом, как эта. Вновь и вновь пытается Альфред выковать маленькие валки, в которых так нуждаются золотых и серебряных дел мастера и монетные дворы. Однако желаемые по качеству экземпляры получаются очень редко. Большинство же трескается еще при закалке. И вот однажды родственник по имени Рохольд, сам изготавливавший такие валки, дает ему совет отлить заготовки не круглыми, а ребристыми, с тем чтобы избежать образования внутренних трещин. Альфред следует этому совету, и, к его удивлению, дело пошло на лад. Правда, угловатые чушки нужно затем обтачивать в круглую форму валков, но они не дают трещин и не растрескиваются при закалке.

Теперь, как становится ясно Альфреду, он нуждается в токарном и шлифовальном станках, с тем чтобы иметь возможность поставлять не только недорогие необработанные отливки, но и готовые полированные стальные валки, которые принесут от 50 до 100 талеров за штуку. Но где взять все это? Зимой 1830 г. — стоит лютый мороз, и Берне замерз-

ла — он начинает конструировать собственные металлообрабатывающие станки.

Машины-самоделки

Крупп, который ни разу в жизни не бывал ни в одном конструкторском бюро и имел весьма куцое школьное образование, мастерил из дуба, железа и стали странные на вид механизмы. «Это была, пожалуй, самая необычная мастерская своего времени: неуклюжие трансмиссии с широкими деревянными брусками, которые называли барабанными осями и которые вращались в примитивных опорах, похожих на металлические крючья. Кованые гвозди заменяли болты, странные устройства обеспечивали натяжение тросов», — развлекался Вильгельм Бердров.

Весной, когда вновь зажурчала вода по руслу реки, начал вращаться и диковинный колесный механизм крупповской фабрики. Многое пришлось в нем изменить, усилить или вовсе переделать по постепенно производству налаживалось. И наконец в августе была готова к отправке первая пара безупречно отполированных валков твердой закалки. Позднее Альфред Крупп признавался: «Если бы я заранее предвидел трудности, связанные с этой работой, и понимал их характер, то я не взялся бы за нее при цене 55 талеров (за каждый изготовленный валок. — Прим. ред.), так как это принесло большие убытки, а две штуки были испорчены».

Поскольку поведение речушки было поистине непредсказуемым, Крупп так переделал свои машины, что в случае необходимости они могли приводиться в движение вручную 3...4 рабочими с помощью крупного маховика. Однако в силу большой твердости крупповской стали ее обточка и шлифовка были весьма тяжелым делом. Каким бы убогим, даже смешным ни было бы предприятие на Берне, оно дало возможность молодому Круппу изучить, начиная с азав, весь процесс изготовления стали.

Каждая ошибка, которую он допускал, доходила до сознания не через выговор, полученный от мастера. Он ощущал ее как свое прямое поражение. Любой опыт, который он приобретал в своей мастерской, чем-то напоминавшей домовую прачечную, был для него ценен, потому что нигде в Германии о новом продукте не знали больше, чем

здесь, в полуразвалившемся сарае у ворот Эссена. И уже в свои юные годы Альфред Крупп был уверен, что будущее принадлежит литой стали и никто не сможет лишить его преимущества в этой области, если только он всегда будет быстрее и умнее своих конкурентов.

Ничто не интересует его, кроме дела

Понимание этого пришло к нему в 1832 г., когда Альфред, двадцатилетний юноша, собрался в свой первый более или менее крупный коммерческий вояж по Южной Германии. Эта поездка, во время которой он, плывя сначала вверх по Рейну на новехоньком пароходе, а потом, добираясь лошаадьми, посетил Висбаден, Дармштадт, Карлсруэ, Пфорцхайм и Хайльброн, была для Альфреда поучительной в двух отношениях: во-первых, она убедила его, что рынок для сбыта изделий из литой стали огромен, и, во-вторых, показала, что он, Крупп, умеет не только изготавливать сталь, но и продавать ее.

Он привез с собой из поездки большое количество заказов, полученных прежде всего от мастеров Пфорцхайма и Хайльброн а, работавших по золоту и серебру. На местах, общаясь с клиентами, он понял также, что на готовых изделиях можно заработать несравненно больше, чем на сырой стали. Готовый штемпель он мог продавать в четыре раза дороже, чем стоил материал, затраченный на его изготовление, а отполированный до блеска валок даже вдесятеро дороже. «Я должен ревностно приняться за выпуск готовых изделий», — отмечал он, — при реализации которых оплачивается еще и искусство».

После этой поездки сталелитейная фабрика Круппа превращается в обрабатывающее предприятие со слесарями, столярами-модельщиками и инструментальщиками. Альфред каждый день приобретает новый опыт. Он объединяет в одном лице литейщика, металлурга, конструктора, руководителя предприятия и продавца. В эти годы, когда к нему приходят первые в жизни успехи, Альфред становится «однолюбом»: ничто, кроме производства стали и фабрики, не представляет для него интереса.

Бабушка помогает ему вырваться из долговых тисков

Семья Круппов по-прежнему живет все еще очень скромно, ютясь в маленьком сторожевом домике рядом с литейной. Весь земельный участок, включающий сад, свинарник и место выпаса скота, больше напоминает крестьянский двор, чем территорию промышленного предприятия. Младший брат Альфреда Герман помогает ему в мастерской, старшая сестра Ида — в ведении деловой переписки. В 1833 г. предприятие предоставляет работу 8 рабочим, каждый из которых зарабатывает в год не более 80 талеров. Несмотря на это, касса постоянно пуста, потому что платежи от клиентов поступают по капле. Бабушка снова помогает внуку вырваться из долговых тисков, продав унаследованную ею кузницу в Плеттенберге за 800 талеров и предоставив эти деньги Круппу.

Следующий год приносит решающий в истории дома Круппов поворот к лучшему; это был год создания Германского таможенного союза. Альфреду становится ясным, какие шансы для сбыта товаров возникнут после того, как исчезнут таможенные барьеры вокруг нескольких десятков карликовых германских княжеств. Рынок продаж его товаров внезапно расширился во много раз, и вот 17 мая он отправляется в свое второе большое коммерческое турне, полностью загрузив экипаж валками, образцами стали и другой своей продукции. На этот раз он хочет освоить рынки не только Южной Германии, но и Швейцарии, Австрии, Саксонии и Берлина.

На поездку ему требовалось 12 недель, но он вынужден значительно сократить турне, так как его опять преследуют приступы слабости и лихорадки. Когда 9 июня, полностью обессиленный, он возвращается в Эссен, то имеет в кармане заказов на 3 тыс. талеров, что достаточно для загрузки мощностей его фабрики в течение двух лет. Однако на протяжении всего того времени, в течение которого он отдыхает от огромного напряжения, вызванного поездкой, на сукновальне царит неподвижная тишина. Берне вновь пересохла, а на фабрике кончился чугун. Вот уже десять лет работает он как вол, и каков результат? Еще лежа в постели, измученный путешественник решает сделать наконец свое предприятие независимым от капризной речушки. Ему нужна — и

это становится Альфреду Круппу совершенно ясно — паровая машина. Она должна быть движущей силой кузнечных молотов и машин в так называемой токарной мастерской.

Крупп вновь не кредитоспособен

Но столь крупные капиталовложения он никогда не смог бы финансировать самостоятельно, поэтому, уже в который раз, приходится привлекать к этому делу родственников.

Отставной майор Кристиан Фридрих фон Мюллер, супруг тетки Хелены, сестры его отца, незадолго до этого купил под Кельном замок «Меттерних», построенный на воде. Значит, у него были деньги. Альфред Крупп едет к нему, показывает полученные заказы и в самых розовых красках описывает будущее фирмы Круппа. И действительно, богатый дядюшка поддался на уговоры и разрешил своему сыну Фридриху Карлу, прозывавшемуся Фрицом и поддерживавшему дружеские отношения с Альфредом, стать, внося сумму в 10 тыс. талеров, негласным пайщиком крупповской фабрики литой стали.

Единственным предприятием во всей округе, которое, как представлял себе Альфред, могло поставить паровую машину, была как раз фабрика «Гутехоффнунгсхютте». Господа Ханиэль, Гуиссен и Якоби приняли, однако, к исполнению заказ Круппа, который был известен им как не очень надежный должник, лишь после того, как он смог выложить им на стол личное поручительство своего негласного пайщика. Слабосильный паровой двигатель, который, согласно заказу, должен был развивать мощность в 20 л. с., но практически из-за многочисленных дефектов в изготовлении в лучшем случае давал только половину этой величины, представлял собой тем не менее неслыханный по тем временам прогресс. Он обеспечивал по меньшей мере непрерывную работу предприятия, хотя силы пара не всегда хватало, чтобы одновременно обеспечивать энергией кузницу и токарную мастерскую.

В Эссене и его окрестностях постепенно начинают обращать внимание на молодого Круппа. Вильгельм Люг, генеральный директор «Гутехоффнунгсхютте», самолично приезжает в Эссен, чтобы осмотреть работающую на пару фабрику господина Круппа. Он

привозит с собой легендарного Фридриха Харкорта, патриарха вестфальской промышленности. Однако едва только паровой молот начинает функционировать более или менее удовлетворительно, Крупп уже снова без гроша. Установка новых машин и переход на энергию пара съедают гораздо больше капитала, чем рассчитывал Альфред, и богатый дядюшка Мюллер опять вынужден спастись от банкротства.

И хотя заказов поступает все больше — в самый последний момент и от швейцарской часовой промышленности, которой требуются стальные валки из твердой как стекло стали, — массовые сделки с прутковой и инструментальной сталью для промышленности по-прежнему находятся в руках английских конкурентов. Поэтому Альфред загорелся желанием непременно поехать в Англию, чтобы на месте получить информацию о применяемых британцами методах производства.

Непреодолимая тяга к эпистолярному жанру

В июне 1838 г. Альфред отправляется в поездку с первой остановкой в Париже. Он хочет с ходу заставить известных французских ювелиров и часовщиков раскошелиться на несколько заказов. Но и в октябре месяце он все еще на берегах Сены. Альфреда Круппа интересует, однако, не пульсирующая жизнь самого большого города на континенте, а исключительно бизнес. В портфеле у него уже вдвое больше заказов против того, на что он первоначально рассчитывал. Каждый день он открывает новое для себя в мастерских по нанесению позолоты на металлы и в монетных дворах. Впервые проявляется у него мания незамедлительно записывать все, что ему приходит на ум.

Он бомбардирует своего брата Германа длинными письмами, в которых бесконечно распространяется о чугунах, плавке, нагревании и закалке, о рабочих и надзоре за ними, о тиглях и молотах. Подобно перегретому паровому котлу, непрерывно срабатывающему пар, Альфред безостановочно выдает идеи, которым его заматанные коллеги не могут найти применения. Но одно своей иступленной писаниной он все же достигает: даже находясь вдалеке, он владеет помыслами и делами своих людей в Эссене.

Наконец, когда Альфред Крупп увидел все, что могла предложить ему французская промышленность, он едет дальше, в Англию. В Лондоне Альфред встречает Фрица Зеллинга, своего старого школьного товарища из Эссена и дальнего родственника, который позднее станет его ближайшим другом и партнером. Семья Зеллинга уже длительное время занимается торговлей с Англией и поэтому располагает здесь хорошими связями.

Господин «Шропп» занимается шпионажем

В Англии Альфред выдает себя за господина «Шроппа» с тем, чтобы не привлекать к себе внимания конкурентов, возможно, слышавших хотя бы раз его имя. Замаскировавшись под заказчика, он осматривает сталеплавильные заводы Ливерпуля и Шеффилда, устанавливает новые деловые связи в Лондоне и Эдинбурге и днями и ночами, если больше нечем заняться, исписывает своими пометками целые записные книжки.

Так как Альфред страдал хронической бессонницей, то он уже с детства привык писать также и в темноте, чтобы свет не мешал спать братьям и сестрам. В последнем письме, отправленном домой из Англии, Альфред так описывает то, что он считает открытым им секретом британских сталеваров: «Судя по тому, что я здесь увидел, качество изготавливаемой стали зависит исключительно от чугуна, а трещин в стальных прутках, как и шероховатостей на валках для изготовления плющеной проволоки также можно избежать, если мы будем перерабатывать для этих целей подходящий чугун, который я намерен покупать в Гулле».

Из Англии Альфред не возвращается сразу в Эссен, а ездит опять в Париж, чтобы раздобыть еще несколько заказов. Однако настроение во французской столице теперь намного хуже, чем во время его первого посещения. В мае 1839 г. в Париже происходит восстание рабочих, и дельцы не только не желают делать новых заказов, но даже, напротив, аннулируют уже сделанные.

Дома его встречает еще одно неприятное известие: бабушка Петронелла, которая так часто поддерживала его, лежит при смерти. Чтобы погасить самые срочные обязательства, он решает продать старую сукновальню.

Но это еще не решает дела. Нужны новые заказы. И он намечает рекламное турне, в ходе которого должен объехать пол-Европы.

Дома все идет вверх дном

С декабря 1839 г. до лета 1843 г. Альфред, с короткими перерывами, все время в пути. В Берлине он продает за 5 тыс. талеров фирме «Фолльгольд» состоящий из четырех частей стан для прокатки изделий из серебра, в Вене намечается большой заказ от Императорского монетного двора. Однако с выполнением этого заказа дело не ладится. В больших растяжных валках обнаруживаются трещины, их следует переделать. Фирма опаздывает с поставкой. Чтобы успокоить заказчика, Альфред тотчас направляется к берегам Дуная.

Во время пробного пуска новых валков случилась неприятность. Крупповский монтажник подозревает саботаж. Рабочие монетного двора, как сообщал Альфред в Эссен, намеренно допускали перегрев валков. Начинается малая война с монетным двором. Со стороны Круппа речь идет о частичной оплате стоимости заказа, со стороны монетного двора — о требованиях новых гарантий. Альфред не отступает. Он доходит до Императорской придворной палаты и добивается выплаты по крайней мере части принадлежащих ему денег. Как-никак на карту поставлено 25 тыс. талеров.

Когда шеф находился в Вене, дома все пошло вверх дном. Кристиан Фридрих фон Мюллер опять, в который уж раз, вынужден осуществить «подкачку» денег фирме. Однако на этот раз риск становится для него уже неоправданным. В 1843 г. его сын, бывший негласным участником крупповской фирмы, выходит из дела. Принадлежавшая ему доля капитала переходит к школьному товарищу Альфреда Фрицу Зеллингу. Это уже партнер другого калибра, поскольку Зеллинг владеет несравненно большим состоянием, чем Мюллер, но предъявляет гораздо более высокие требования к коммерческой стороне управления предприятием. Он вкладывает в предприятие 50 тыс. талеров, но хочет при этом постоянно быть в курсе дела относительно финансового положения фирмы. Отныне раз и навсегда в конторе Круппа должен быть положен конец неразберихе.

Никакого интереса к пушкам Круппа

Так же трудно и утомительно, как строительство фабрики литой стали, продвигалось вперед дело и с обоими важнейшими изделиями, которым впоследствии Крупп будет обязан своим всемирным признанием, — пушками и железнодорожными колесами. В 1843 г. он в первый раз посетил оружейную фабрику в Саарне под Мюльхаймом. Когда Альфред увидел, с каким трудом из полосового металла, из так называемого сляба, сваривают оружейные стволы, он тотчас же учуял возможность заключения сделки. Альфред предлагает изготавливать оружейные, а «если это оказалось бы желательным и полезным», то и орудийные стволы из литой стали.

В своей мастерской он велит тайне изготовить несколько оружейных стволов методом, который называет пустотелой ковкой, а затем, упаковав в мешки, отослать на оружейную фабрику в Саарн. Специалисты восхищены оружейными стволами Круппа, так как при пробных выстрелах они выдерживают даже пятикратный заряд пороха. Два прошедших испытание ствола Альфред посылает прусскому военному министру фон Бойену, описывает технологию изготовления и утверждает, что аналогичным образом он сможет изготавливать также орудия. Но это не делается так быстро. Военное министерство холодно объясняет ему, что его предложением не намерены воспользоваться, так как «современный способ производства стволов и их качество отвечают всем необходимым требованиям и вряд ли заставляют желать чего-нибудь лучшего».

Бессмысленные требования армии

Альфред возмущен, поскольку, являясь экспертом по стали, знает совершенно точно, что вооружение прусской пехоты давно уже устарело. Но у него есть дела поважнее, чем затевать тяжбу с армейскими чинами. Впрочем, вопреки ожиданию последние сами дают о себе знать и присылают ему домой чертежи «шестифунтовки» с требованием «отлить» из литой стали такое орудие за счет средств военной администрации. Условие: крупповский ствол должен иметь не меньший вес, чем стандартное, изготавливаемое из бронзы орудие, поскольку в противном случае пушка оказалась бы малоустойчивой

при выстреле. Альфред качает головой, размышляя о технических профанах из военного министерства. Ведь как раз в меньшем весе пушки из литой стали он видит ее решающее преимущество: несмотря на большую дальность стрельбы и пробивную силу, стальные орудия были бы маневреннее, чем их бронзовые предшественники. Он пытается объяснить это заказчику, но артиллерийские офицеры из Берлина настаивают на своем предписании относительно веса орудия. После этого Альфред велит отлить стальной пушечный ствол калибром 6,5 см и, чтобы обеспечить требуемый вес, покрыть его оболочкой из бронзы.

Альфред не знает еще, что почти в то же самое время в военном министерстве Пруссии объявляется конкурент, который запрашивает государственную помощь для сооружения литейного завода по изготовлению пушек из литой стали. Речь идет о гениальном умельце из Швабии Якобе Майере, который уже с 1836 г. был в состоянии производить литейную сталь и владел уважаемой фабрикой в Бохуме.

Если бы Крупп предполагал, что по пятам за ним гонится конкурент, то он, конечно, еще более ускорил разработку конструкции своей первой пушки. Однако он и так появился с ней довольно рано, поскольку шел 1848 г. — год революции, и в берлинских казармах были заняты более важным делом, чем дискутировать о сумасбродных идеях какого-то фабриканта литой стали из Эссена. Первая крупповская пушка покрывалась пылью в углу прусских королевских артиллерийских мастерских в Шпандау, так и не принеся никому пользы или вреда.

Пушка была проектом будущего, о котором никто не знал, пригодится ли он когда-либо. Предприятие Круппа, которое по своим размерам даже в то время относилось к группе мелких и средних, существовало прежде всего за счет продажи стальных валков, которые имели то большое преимущество, что они шлифовались не из круглых, а из прямоугольных заготовок.

Кража патента

Без сомнения, Альфред был искусным конструктором, но еще большую ловкость он проявлял в использовании идей других

людей. Благодаря одной такой идее ему удалось наладить производство товара, оказавшегося в ту эпоху наиболее ходовым из всей его продукции, а именно — валков для изготовления ложек. На эту идею навел Альфреда один из его заказчиков, золотых дел мастер и гравер Вимер из Мюнхена, который однажды появился в Эссене с чертежами конструкции валков крайне большого диаметра со странными вогнутостями. Альфред в это время находился как раз в Париже, и его 24-летний брат Герман взял на себя заботу о необычном клиенте. Гравер Вимер намеревался эмигрировать в Мексику. Он хотел взять с собой валки, чтобы с их помощью изготавливать в Новом Свете машинным способом нечто такое, что до сих пор изготавливалось лишь вручную, а именно ложки и вилки.

И здесь произошло нечто странное: Герман сразу же оценил значимость этого изобретения и срочно известил о нем находившегося в Париже брата. Тот попросил Германа скопировать чертежи, чтобы позже можно было воссоздать по копиям эту интересную машину. Вместе с технически одаренным юнцом Фрицом Герман принялся за чертежи Вимера и даже внес в них несколько изменений. С гордостью представили они старшему брату полученный результат после возвращения того из Парижа. Альфред невозмутимо принял это к сведению и попутно заметил, что он уже продал в Англии один экземпляр крупповских валков для изготовления ложек.

«Дальнейшее было еще более занятным, — удивлялся биограф Круппа Бернт Энгельман. — Как только Альфред бегло осмотрел машину со всеми исправлениями, которые внесли Герман и в первую очередь Фриц, как уже начал строить планы использования своего изобретения — вот именно: своего! Ибо поскольку то, что он увидел, казалось хорошим, то этим оно могло быть обязанным только ему!.. Клиент был дураком, а младшие братья Альфреда всего-навсего последовали полученным от него инструкциям. Поэтому они, его подручные, не заслужили даже дружеского похлопывания по плечу, зато удостоились в виде исключения положительного упоминания в тайном дневнике».

Альфред нарушает договоры

Изобретение бесстыдно обманутого клиента Вимера, которое самочинно было присвоено Альфредом Круппом, позволило предприятию удерживаться на поверхности в течение длившихся годами споров с Венским монетным двором и совпавшего с ними периода конъюнктурного спада. Крупп продавал свои валки для изготовления столовых наборов в Россию, Венгрию, Англию, а также в Берлин. Но самая интересная сделка состоялась в Вене, городе, который он ненавидел из-за своих споров с Императорским монетным двором. И все-таки именно в Вене на берегах Дуная он познакомился с неким Александром Шеллером, отпрыском богатейшей семьи фабрикантов из Дюрена, владельцем крупной экспедиторской фирмы. Господа обнаружили общие интересы, и Крупп, гений по части продажи, уговорил рейнца пойти на то, что сегодня назвали бы joint venture (совместное предприятие двух и более фирм.— Прим. ред.), на строительство совместной фабрики по производству столовых приборов. Шеллер должен был в основном финансировать предприятие, а Крупп осуществлять технический надзор.

Начало кооперации оказалось успешным, но вскоре между партнерами произошел разрыв. Дело в том, что Альфред взял на себя обязательство перед Шеллером не учреждать с другими партнерами второй фирмы подобного типа. Однако вскоре после этого он начал переговоры с эльберфельдским фабрикантом Егором об аналогичном проекте. Узнав об этом, Шеллер отказался далее сотрудничать с Альфредом Круппом. Тогда техническое руководство фабрикой металлоизделий в Берндорфе взял на себя его брат Герман, что явилось наилучшим для всех участвующих сторон выходом из создавшегося положения. Александр Шеллер имел теперь партнера, на которого мог положиться, а Альфред отделался таким образом от обременительного соперника.

«...считал себя важной птицей»

Теперь лишь один человек представлял опасность для единоличного господства Альфреда в Эссене — умелец Фриц. Озлобленно записал старший Крупп в свой дневник в 1847 г. сразу по возвращении из деловой

поездки в Англию: «Мой брат, который раньше работал довольно прилежно и преданно, позволил себя совратить, стал зазнавкой, не обращал на меня никакого внимания, считая себя важной птицей...» Альфред, этот ипохондрик, находивший радость в споре, видевший себя и свою фирму под постоянной угрозой многочисленных опасностей, не хотел больше терпеть такое несоблюдение субординации.

В феврале 1848 г. он убедил старуху мать переписать наконец на его имя фирму, в которой он 22 года работал в качестве управляющего. И это соглашение также предавайте огласке хитрость и жестокость рано поседевшего главы фирмы, который в свои 36 лет выглядел как пятидесятилетний. Этот шахматный ход можно вполне охарактеризовать как весьма ловкий, поскольку момент для передачи фирмы был выбран очень удачно. Фирма Круппов снова вошла в полосу убытков: в течение одного года ее оборот сократился наполовину — с 80 тыс. до 40 тыс. талеров, но на горизонте уже маячили весьма выгодные сделки. Жестоким было прежде всего то, как Крупп обошелся со своими братьями и сестрой.

Альфред оценил стоимость фирмы, включая все земельные участки, здания, машины и запасы, в смехотворно маленькую сумму 40 тыс. талеров, хотя его партнер Фриц Зеллинг получал лишь 25% от прибыли при участии в 75 тыс. талеров в капитале фирмы. Но даже и эти 40 тысяч оказались Альфреду в ходе переговоров о передаче еще слишком высокой оценкой. Поэтому, когда и австрийская фирма, участвующая в капитале, сообщила об убытках, он снизил символическую покупную цену фирмы до 25 тыс. талеров.

Впрочем, даже эта скромная сумма, как было договорено, должна была оставаться у фирмы в качестве ссуды и быть выплачена ее владельцам не раньше, чем по истечении 12 лет.

Братья и сестра остаются не у дел

Другими словами, братья и сестра Альфреда — Герман, Фриц и Ида — не получили равным счетом ничего за то, что отказались от своего наследства. Герман, однако, имел участие в капитале фабрики металлических изделий в Берндорфе. Ида, достигшая к тому

Открытие первой железной дороги в Германии соединившей Нюрнберг и Фюрт, (7 декабря 1835 г.)

времени возраста 39 лет, но все еще незамужняя, проживала в доме Альфреда и получала скромное жалование за свои услуги. Оставался, следовательно, ершистый Фриц. Чтобы сделать Фрица более податливым на условия своего брата и матери, Альфред предложил ему скромную пожизненную ренту. Удовлетворенно записал Альфред в своем дневнике: «24 февраля 1848 г., в день начала Французской революции, моя мать передала мне, по настоянию дяди Шульца, развалины фабрики».

К тому моменту, как разразилась революция, «развалины» предоставляли работу 122 человекам, а в декабре того же года их осталось всего 74. Некоторые были уволены из-за ограниченного поступления заказов, другие же, как кузнец Марре и слесарь Хюльсман, — за политическую деятельность. За дисциплиной на предприятии следил Адальберт Ашерфельд, мужчина богатирского сложения, типичный фельдфебель, состоявший с Круппами в дальнем родстве. Чтобы каждый работник предприятия знал, что он должен делать, Альфред выпустил свой первый «Фабричный устав», в котором устанавливал также моральные заповеди, такие, как эта: тот, кто становится должником в трактирах или у торговцев, должен «без всякого снисхождения и незамедлительно увольняться с предприятия», потому, что (как полагает самый крупный должник в Эссене и его окрестностях) «наличие у человека дол-

гов портит его характер, приводит к легкомыслию и кражам». К этому времени для того, чтобы иметь возможность хотя бы выплатить своим работникам зарплату, Альфред вынужден был даже переплавить фамильное серебро.

Крупная сделка с железной дорогой

Трудные времена оказались непродолжительными. И как только после провалившейся буржуазной революции был восстановлен прежний порядок, накопившийся отложенный спрос «позаботился» о новом притоке заказов на предприятие Круппа. Двигателями конъюнктуры стали железные дороги, и никто не нажился больше на первой большой волне индустриализации, катившейся теперь по Германии, чем имевшие уже прочные позиции поставщики чугуна, стали и угля. Новое транспортное средство не зря было названо «железной» дорогой, так как рельсовые пути и локомотивы, колеса и оси изготавливались еще из простого железа, которое соответственно и быстро изнашивалось. Но уже стояли начеку такие опытные сталевары, как Крупп. готовые изготавливать все подверженные высоким нагрузкам узлы и детали железной дороги из несравненно более твердой и вязкой, чем железо, стали. Первым, кто воспользовался этим новшеством, была Кельнско-Минденовская железнодорожная компания, которая уже в 1847 г. проложила линию через Рурскую область.

Крупп поставил полный комплект амортизаторов и 1/3 осей для 500 вагонов. Тем самым был открыт путь к превращению фирмы в крупное предприятие.

Маленькая фабрика литой стали в Эссене росла почти теми же самыми темпами, что и сеть немецких железных дорог. Если первый участок, сооружением которого в 1836 г. началась прокладка дороги между Нюрнбергом и Фюртом, имел протяженность всего 6 км, то 30 лет спустя в эксплуатации уже находились 15 тыс. км железных дорог. Крупп, который в 1848 г. едва мог оплачивать труд 70 рабочих, в середине 50-х годов имел в своем распоряжении персонал, насчитывавший более 1000 человек. Железные дороги не только удешевили перевозки сырья, они сделали мобильнее также людей, и все большие потоки дешевой рабочей силы устремились из обедневших восточных областей в индустриальные районы Рейна и Рура. Ясно, что при избытке предложения рабочей силы заработки оставались низкими. В то же время продукты постоянно дорожали из-за стремительного роста спроса на них.

У конкурента появляется хорошая идея

Обильные прибыли сделали предприятия способными осуществлять крупные капиталовложения, что в свою очередь положительно сказалось на конъюнктуре. В те годы Альфред Крупп делал хороший бизнес на одном изделии, про которое тоже лишь условно можно сказать, что оно «выросло на собственном навозе». Его идея была подсказана не кем иным, как генеральным директором фабрики «Гутехоффнунгсхютте» Вильгельмом Люгом, который в начале 50-х годов посоветовал Круппу заняться наконец колесами для железнодорожных вагонов. Они изготавливались тогда большей частью из древесины и были, как когда-то раньше у почтовых карет, охвачены по окружности тонким, сделанным из листового железа обручем, который сваривался на месте стыка полосы.

Из-за увеличения скорости движения поездов возникновение трещин в сварочных швах все чаще приводило к поломке колес. С самого начала Альфреду Круппу стало ясно, что тот, кто сможет изготовить бесшов-

ный обруч для колес, сделает на этом выгодное дело. И так как Альфред Крупп умел уже изготавливать бесшовные валки, он не видел в выполнении этой новой задачи слишком больших трудностей. В мастерской, строго изолированной от остальной части предприятия и прозванной крупповскими рабочими «Сибирью», он начал проводить первые опыты.

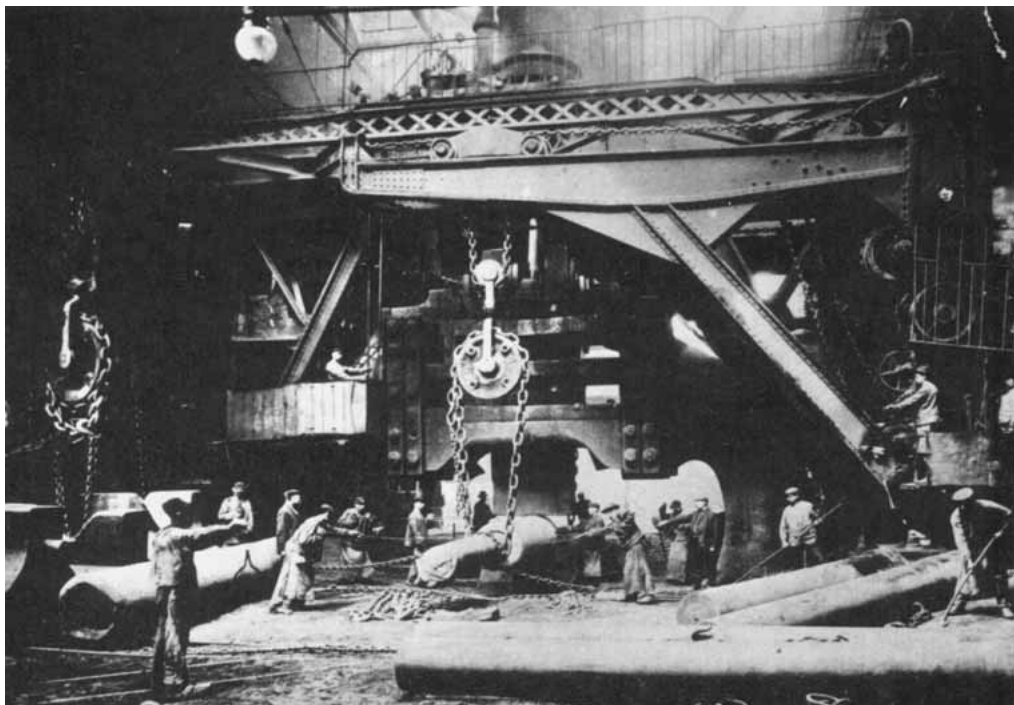
Первый «бесшовный колесный венец» был готов летом 1852 г., и Альфред Крупп велел тотчас запатентовать его. В свойственной ему манере выразиться он назвал свою цель — производить в год 20 тыс. венцов — «Чимборасо моих желаний»^{*}.

Крупп стал производить намного больше, и уже одной этой сделки с железной дорогой было бы достаточно для того, чтобы превратить его фирму в одно из самых значительных предприятий немецкой промышленности. Тем настойчивее добивался он, после того как семилетний срок действия патента истек, его продления еще на 15 лет. Однако отнюдь не благоволившие ему в тот период министерские чиновники в Берлине согласились продлить его лишь на один год. Во всяком случае, спрос на «бесшовные колесные венцы» Круппа сохранялся на протяжении всей жизни Круппа, потому что никто из конкурентов так и не смог ликвидировать достигнутое им опережение в производстве этого изделия. Поэтому ни для кого не было удивительным, что своим фирменным знаком он сделал как раз три переплетенных кольца, символизирующих колесные обручи.

Белокурая девушка в оперном театре

Напротив, брачными узами он до сих пор пренебрегал, к великому сожалению своего партнера Зеллинга, который неустанно советовал ему жениться на богатой даме, приданое которой было бы достаточным, чтобы санировать фирму. И так, фирма была, как любил выражаться Альфред, «в цвету», когда, будучи уже 41-летним, он осознал, что для того, чтобы стать основателем промышленной династии, ему не хватает самого главного, а именно наследника. И он отделался от этой обременительной обязанности с неподобающей его положению, почти неприличной поспешностью.

^{*} Чимборасо — горная вершина в Андах.

Паровой молот Фриц (1862 г.)

Во время одного из своих редких посещений Кельнской оперы Альфреду бросилась в глаза необычайно красивая белокурая девушка с лучистыми голубыми глазами — и его решение созрело. Была ли это любовь с первого взгляда или всего лишь его верное чутье на людей, которые могли принести ему пользу, мы никогда этого не узнаем. Во всяком случае, он тотчас установил имя девушки. Она звалась Берта Айхоф и происходила из добропорядочной, правда, неимущей чиновничьей семьи. Несколько дней спустя он вновь приехал поездом в Кельн и, проявив присущую ему ловкость, получил доступ в родительский дом своей возлюбленной. В мгновение ока он уговорил вышедшего на пенсию рейнского таможенного инспектора отдать ему руку дочери.

В том же месяце, 19 мая 1853 г., состоялась свадьба. «Она стала настоящим народным праздником, о котором долго еще говорили в Эссене. Вечером накануне торжества — большое факельное шествие, сад и фабрика сияли в свете бенгальских огней, и их треск

сливался с непрерывной пальбой из всего, что могло стрелять. Было израсходовано 60 фунтов пороха, что как бы предвещало будущую профессию жениха», — заливался соловьем почитатель Альфреда Вильгельм Бердров. Неугомонный жених не позволил себе потратить ни минуты времени без пользы, потому что ровно через девять месяцев, 17 февраля 1854 г., Берта родила ему страстно желанного продолжателя рода. В 42-й день рождения отца наследник был окрещен двойным именем — Фридрих Альфред.

Берта спасается бегством на Лазурный берег

Поскольку цель женитьбы была достигнута, Альфред снова с головой уходит в фабричные дела. Когда Берта попросила однажды мужа вывозить ее по вечерам на концерты, тот грубо напустился на нее: «Я должен заботиться о том, чтобы дымились трубы моей фабрики. Когда на ней начинается утренний грохот молотов, то мне слышится в нем музыка более прекрасная, чем если бы игра-

ли все скрипки мира». Впечатлительная девушка, которой во время бракосочетания было всего 22 года, уже весьма скоро поняла, что она была нужна своему мужу разве что для представительства. Как, например, когда принц Вильгельм I, ставший позже королем Пруссии, и затем и германским императором, во время инспекционной поездки по своим западным провинциям заехал также в Эссен и 15 июня нанес короткий визит на фабрику литой стали Круппа. Как бы ненароком Альфред попросил высокого гостя осмотреть два свежевыточенных пушечных ствола, которые, однако, предназначались Баварии, а не Пруссии. Живой интерес, проявленный к этой стреляющей машине Гогенцоллерном, вошедшим в историю под прозвищем «картечного принца», сыграл впоследствии благодатную роль в истории фирмы Круппа.

Во всяком случае, Берта находила в чопорном церемониале, который ее муж считал уместным в подобных случаях, столь же мало удовольствия, как и в постоянном грохоте паровых молотов, от которого в доме лопались посуда и бокалы. И хотя молодая женщина не ощущала недостатка в комфорте — в обширном парке были павлины, фонтаны, экзотические растения, — но вся атмосфера в вилле Круппов была для нее слишком деловой и недомашней. Поэтому все чаще она уезжала для лечения на воды. Со временем у нее развилась сильная склонность к длительным путешествиям в места между Ниццей и Монте-Карло, в то время как ее остававшийся в прокопченном Эссене муж с годами становился все чуднее.

В доме Круппов пахнет коровьим навозом

Альфред культивировал свою склонность к ипохондрии, чураясь всего, что могло вызвать болезнь, и в тысячах своих писем друзьям и знакомым бесконечно распространялся о симптомах всевозможных болезней, которые он, по его мнению, находил у себя. Лучшей терапией против постоянно и повсюду подстерегающих его опасностей являлся, как он открыл, «здоровый сельский воздух». Это означало не что иное, как то, что в доме Круппов всегда должно было пахнуть коровьим навозом. Данное обстоятель-

ство также могло послужить одной из причин частого отсутствия его жены Берты.

Среди постоянно мучивших его страхов особо ярко выраженным был страх перед огнем, хотя в сталелитейне он постоянно имел с ним дело. По этой причине он не терпел в своем окружении ничего сделанного из дерева, поскольку это могло воспламениться. С возрастом он относился также со все большим недоверием к собственным рабочим и к «прокуре», как он называл управляющих своей фирмы, не исключая даже таких близких друзей, как Фриц Зеллинг. Повсюду ему чудилось предательство, без устали царапал он в свой дневник строчки, подобные этим: «Полагаю, нужно было бы иметь второго сторожа, который контролировал бы первого, и третьего, который наблюдал бы за вторым».

На своих предприятиях он организовывал строго охраняемые секретные отделы, а у прусского правительства даже запросил разрешение на приведение всего персонала предприятий к присяге на сохранение производственной тайны. Запрос был отклонен, но Крупп все-таки требовал от каждого работника соответствующей клятвы, так сказать, в частном порядке. Даже своих заводских шпионов, которых он внедрял на другие предприятия с целью сбора информации о некоторых используемых там производственных процессах, Крупп заставлял давать клятву верности.

«Уже через неделю он поправился и умер»

Страсть к засекречиванию принимала у него уже патологический характер, когда после многих разочарований, пережитых им во время переговоров с прусской военной бюрократией, пришел наконец в движение «пушечный бизнес». Перелому в умозаключениях руководящих чинов армии Крупп был обязан именно тому «картечному принцу», который намного раньше проявил свой интерес к стальным пушкам Круппа и 28 октября 1857 г. вышел на авансцену, став правителем при своем тяжело заболевшем брате-короле. До того момента «пушечный бизнес» Круппа протекал весьма вяло. Правда, уже после Парижской всемирной выставки не кто иной, как император Франции Наполеон III, проявил живой интерес к не знав-

шим, по-видимому, износа орудийным стволам из Эссена, однако он не решился разместить заказы за рубежом из-за противодействия собственных фирм – производителей оружия. Только вице-король Египта и русский царь заказали несколько десятков дешевых стальных пушек из Эссена. Альфред Крупп, будущий пушечный король, решил было уже закрыть отделение фирмы по производству нерентабельных орудий, как вдруг весной 1859 г. из Берлина пришел ожидавшийся с таким нетерпением первый крупный заказ. Более десяти лет потратил Крупп на то, чтобы доказать прусским артиллеристам преимущества стальных пушек, демонстрировал свои орудия на всемирных выставках и даже подарил прусскому королю до блеска отполированную пушку-шестифутовку.

Теперь же по указанию принца-регента ему предстояло незамедлительно поставить 300 полевых орудий. Удовлетворение Круппа, вызванное этим крупным заказом, в мгновение ока сделавшим его крупнейшим в королевстве производителем оружия, было лишь в небольшой мере омрачено смертью его долголетнего партнера Фрица Зеллинга. Когда этот обладавший трезвым расчетом торговец, который был единственным человеком, позволявшим себе возражать своему всемогущему шефу, умер в январе месяце, Крупп прокомментировал это событие только одним предельно кратким замечанием: «Уже через неделю он поправился и умер».

Беспрецедентный бум в производстве вооружении

60-е годы принесли фирме Круппа беспрецедентный бум в производстве вооружений, поскольку Пруссия, для которой предприятие Круппа стало важнейшим поставщиком оружия, вела одну за другой сразу три войны: против Дании, затем против Австрии и, наконец, против Франции. По меньшей мере в войне с Австрией пушки Круппа стреляли друг в друга с обеих сторон, потому что в то время «король» Альфред поставлял пушки всякому, кто мог платить. Это не освобождало его, однако, от денежных забот, потому что он расходовал на строительство новых заводских объектов суммы значительно больше тех, что возвращались к нему в виде доходов.

И хотя благодаря этому фирма росла захватывающими дух темпами, ее обеспеченность собственным капиталом постоянно оставалась слабой. Вновь и вновь Крупп вынужден был занимать огромные суммы у банкиров – у Оппенгейма и Дайхмана в Кельне или Бляйхредера в Берлине. Даже правительство Пруссии было вынуждено неоднократно оказывать Круппу финансовую поддержку через государственное общество морской торговли, после того как он пригрозил, что в другой раз привлечет французский капитал к участию в производстве пушек. Полученные деньги Крупп инвестировал в такие объекты, как, например, тысячетонный кузнечный пресс «Фриц». Для его установки в землю пришлось вогнать в качестве фундамента множество свай, на изготовление которых пошел целый лес деревьев. С помощью этого чудовища из самых крупных отливок, когда-либо существовавших на континенте, Крупп мог изготавливать крупнокалиберные орудийные стволы, а также корабельные валы для судов будущих поколений.

Когда в середине 50-х годов его шпионы сообщили из Англии, что некто Генри Бессемер запатентовал новый, сенсационный метод изготовления стали, при котором жидкий доменный чугун насыщался чистым кислородом во вращающемся конверторе, так называемой «бессемеровской груше», Альфред Крупп не успокоился, пока не узнал все детали данной технологии. И как это уже часто случалось на его жизненном пути, он решил присвоить бессемеровский метод, который делал возможным массовое производство стали из дешевого сырья.

Украденное изобретение предьявляется к патентованию

В 1856 г. Крупп предьявил в Берлине к патентованию под своим именем украденное британское изобретение. Однако эксперты технической комиссии были уже информированы, и министр торговли отклонил заявку на выдачу патента коротко и лаконично: «Данная технология... не представляет чего-либо нового и оригинального, что могло бы стать объектом патентования». Теперь, если Крупп не хотел отказаться от использования бессемеровской технологии, ему не оставалось ничего другого, как договориться с бри-

танским изобретателем и уплатить ему определенную сумму за лицензию.

Однако он снова под покровом большой секретности первым на континенте начал производство бессемеровской стали в одном из зданий своей фабрики, замаскированном под «прокатный стан «С» для производства колес». Теперь ему нужно было лишь раздобыть подходящий прокатный стан, и тогда он был бы надлежащим образом подготовлен к предстоящей колоссальной сделке с рельсами для железных дорог. До сих пор приходилось довольствоваться чугуном, потому что сталь была просто-напросто слишком дорогой. И вот теперь бессемеровская технология предоставляла возможность заменить непрочные и быстро изнашивающиеся рельсовые пути из чугуна на практически вечные стальные рельсы.

Когда в 1870 г. разразилась война между Германией и Францией и пушки Круппа разгромили империю Наполеона III, Альфред был на вершине своего могущества. На его заводах было занято более 10 тыс. рабочих, и, как неограниченный властитель, он управлял крупнейшим промышленным комплексом Германии. Теперь, решил Альфред, настало время всему этому дать внешнюю огласку и обзавестись приличествующей своему положению резиденцией, в которой он как ровня мог бы принимать князей и королей. Но в отличие от силезских магнатов или биржевых спекулянтов Берлина, разбогатевших на волне грюндерского бума, речь не шла о разработке великолепного проекта силами знаменитых французских архитекторов. Нет! Как решил неограниченный властелин в империи стали, никто, кроме него самого, не в состоянии справиться с этой большой задачей.

Странный дом на пригорке

В разгар войны немецкий пушечный король недели напролет занимался только одним делом — своим будущим замком. И конечно, Альфред уже совершенно точно представлял себе, как должна выглядеть его будущая резиденция, когда перешел к поискам подходящего для нее участка. При этом он лишний раз подтвердил свою уже известную нам обстоятельность. Альфред приказал своим рабочим построить передвижную наблюдательную вышку, которая была выше само-

го высокого дерева окрестности. Четыре десятка крепко сложенных крупповских рабочих должны были волочить это деревянное чудовище по всему обширному и довольно холмистому участку, который Крупп предварительно купил через подставных лиц. Альфред стоял при этом наверху, на вышке, и изучал менявшийся ландшафт.

Когда он, наконец, подыскал холм, пригодный для «жилища, помещения для конюшни, манежа для верховой езды, дворов, парковых и садовых сооружений, водонапорной станции, фонтанов, каскадов, прудов для рыбы на вершине и в низине, охотничьего парка, виадуков через овраги, мостов, пастбища на реке Рур для лошадей и другого скота» (так он подытоживал в целом требования к резиденции), он тотчас же установил, что и найденная площадка была несовершенна. Чего не хватало на ней, так это красивых старых деревьев. Так как у Альфреда не было желания ждать 20 или 30 лет, пока деревья достигнут желаемой высоты, он приказал повсюду скупать красивейшие деревья для аллеи, выкапывать, перевозить их на свой холм и здесь вновь высаживать.

Он сам вплоть до мельчайших деталей разработал проект строительства своей виллы «Хюгель». Это был огромный величественный дворец со 180 помещениями, столь же уютный, как складское помещение фабрики по производству угольных брикетов. Невзирая на то, кто в данный момент был другом, а кто врагом Пруссии, Крупп приказал доставить строительный материал из каменоломни Шантильи под Парижем. Его рабочая комната во дворце должна была быть снабжена тройными железными дверьми, а окна каменного чудовища должны были герметически закрываться, чтобы ни малейшее дуновение ветерка не могло застудить чувствительных бронхов хозяина дома. Однако венцом этого строительного творения, которое могло быть внушенным только безумием грюндерских лет, была придуманная Альфредом хитроумная система вентиляции, которая через искусно проложенные шахты прямо в рабочую комнату доносила столь милое ему благоухание конюшен.

В дурмане грюндерских лет

Прошло почти четыре года, прежде чем вилла «Хюгель» была построена. В этот пери-

од ее строитель пережил свой самый большой триумф и самые глубокие унижения. В дурмане грюндерских лет он путем поспешных приобретений расширил свою фирму, называвшуюся теперь «Фатерлендише анштальт», до размеров горно-металлургического концерна, располагавшего собственной угольной и железорудной базой. Альфред покупал почти без разбора и при этом почти всегда слишком дорого: примерно 300 рудников в Зигерланде и бассейне реки Лан, металлургические заводы «Сайн» под Нойвидом и «Иоханнисхютте» под Дуйсбургом, каменноугольную шахту «Ганновер» под Бохумом, металлургические предприятия «Германсхютте», «Берндорфер айзенхютте» и завод «Плойель» в Сайне. Однако все это, и даже более того, он вынужден был уже вскорости перезаложить, потому что летом 1872 г. еще до «большого грюндерского краха» в Эссене вдруг возникла нехватка денег.

Экспансионистский натиск неврастеничного Альфреда еще раз опустошил кассы, и для спасения фирмы необходимо было срочно раздобыть совсем пустяк — 10 млн. талеров. Консорциум банков, созданный во главе с прусским обществом морской торговли, изъявил готовность предоставить Круппу крупный кредит. Правда, при условии, что он откажется от своих прав собственника «объединенных заводов» и, кроме того, будет регулярно представлять банкам отчет о своих операциях. День 4 апреля 1874 г., когда Крупп подписал это кредитное соглашение, стал для патриарха, привыкшего к единоличному правлению фирмой, днем «капитуляции фирмы» перед «еврейскими мошен-

никами», под которыми подразумевались банкиры.

«Карандаш просто рвется из пальцев»

Тем более бесцеремонно обращался он в дальнейшем со своей «прокурой», т.е. теми высшими управляющими во главе с Эрнстом Айхофом, двоюродным братом Берты Крупп, которые уже долгое время фактически руководили фирмой. Время грюндера миновало, даже если бессонными ночами «карандаш все еще рвался из пальцев» и он, не останавливаясь, исписывал целые записные книжки. Последние пять лет жизни Альфред провел в полном уединении в пустынных анфиладах комнат своей роскошной виллы, и едва ли хоть кто-нибудь из 20 тыс. крупповских рабочих и служащих обращал уже внимание на старика, который к моменту, когда он 13 июля 1887 г. испустил последний вздох, уже давно пережил себя. Годом позже за ним последовала Берта. Однако фирма «Крупп» еще в течение 80 лет оставалась семейным предприятием, несмотря на то, что уже сын его Фридрих Альфред едва ли справлялся с обязанностями по руководству крупнейшим концерном немецкой промышленности. Чуждые семье Круппов менеджеры, как пришедший позднее Бертольд Байтц, определяли в дальнейшем судьбу общества «Фатерлендише анштальт», которое лишь в 1967 г., когда оно в очередной раз оказалось на грани финансового краха, стало, с правовой точки зрения, вполне «нормальной» фирмой.

ГЛАВА 7

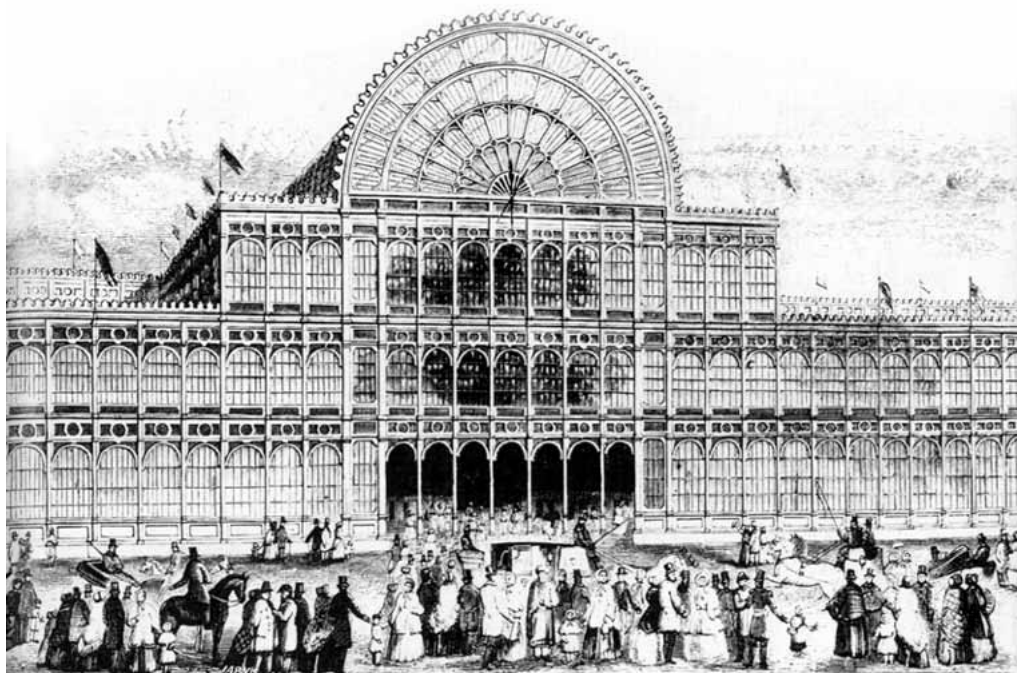
БИТВА НАРОДОВ

Период грюндерства породил идею, ставшую типичной для тогдашних предпринимателей, мыслящих категориями максимальной выработки и конкуренции, и для молодых промышленных государств, стремившихся к поддержанию своего престижа. Это была идея организации всемирных выставок. Как в наше время на Олимпийских играх, так и тогда нации боролись за золотые медали на этих промышленных состязаниях. И нередко правительствам отдельных стран приходилось осторожно, но настойчиво заставлять свои фирмы, как утомленных борьбой атлетов, снова и снова выходить на эту арену героев.

В период с 1850 по 1880 г. состоялось восемь таких промышленных «супершоу»:

- в 1851 г. – в Лондоне,
- в 1855 г. – Париже,
- в 1862 г. – Лондоне,
- в 1867 г. – Париже,
- в 1873 г. – Вене,
- в 1876 г. – Филадельфии,
- в 1878 г. – Париже,
- в 1880 г. – в Дюссельдорфе.

На первых четырех выставках у Германии возникала проблема, связанная с тем, что еще не было государства с таким названием. Вместо этого посетители, совершавшие паломни-

«Стеклянный дворец» на первой всемирной выставке (Лондон, 1851 г.)

Павильон Всемирной выставки (Париж, 1855 г.)

чество в великолепные выставочные павильоны Лондона и Парижа, любовались продукцией фирм из незнакомой им страны с непонятным названием «Таможенный союз».

Один прусский чиновник, который в 1851 г. совершил путешествие в Лондон, высказал по этому поводу критическое замечание: «Люди задавали вопрос о географическом местоположении этой мнимой страны или считали эту конфедерацию государств порождением протекционистской экономической политики». Лишь после основания в 1871 г. Германской империи немцы стали выступать в качестве немцев.

По отношению к представителям национальной промышленности на этих выставках роль своего рода Национального олимпийского комитета выполнял «Союз для поощрения ремесленных промыслов», созданный в Пруссии еще в 1822 г. Петером Кристианом Вильгельмом Бойтом. Тон в нем задавали чиновники берлинского министерства торговли. Если немецкие предприниматели

в первую очередь были заинтересованы в заключении выгодных сделок на выставках, то государственные чиновники заботились, прежде всего, о том, чтобы в первую очередь Пруссия выглядела на чих в наиболее благоприятном свете.

Немецкий принцип: «дешево и...плохо»

Промышленность Германии все еще была вынуждена бороться с устоявшимися представлениями о ее второразрядности. Немецкие предприниматели находились тогда в таком же положении, в котором через столетие оказались японцы: их считали по-настоящему талантливыми, но никто не поверил бы тому, что они когда-либо смогут сравняться с ведущими фирмами Великобритании. Первая Всемирная выставка 1851 г. в Лондоне была в значительной степени английской выставкой: 6146 английским фирмам противостояло всего 1563 немецких фирмы. Еще в 1876 г. посетивший

Всемирную выставку в Филадельфии Франц Рело, основатель теории кинематики и доцент Промышленной академии в Берлине, сообщал в письме: «Промышленность Германии следует своему основному принципу: ...дешево и ...плохо».

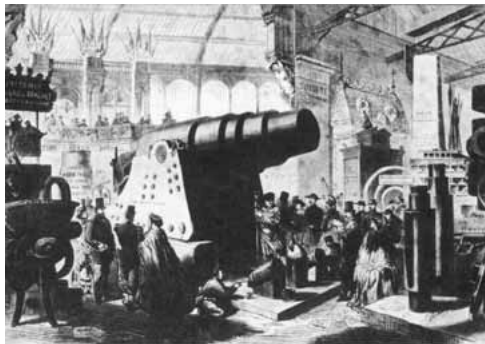
Лишь немногие немецкие предприниматели уже тогда оценили громадное значение той формы рекламы, которая сегодня называется „Public Relations“. Одним из них был Альфред Крупп, пушечный король. Никто из грюндеров не уделял такого большого внимания всемирным выставкам, как он, и никто другой не имел на них столь значительного успеха. В то время как большинство глав фирм еще только боязливо подсчитывали свои расходы, связанные с участием в выставках, Крупп давно понял, какую выгоду сулила ему идентификация своих интересов с интересами Пруссии. Так, например, перед открытием в 1873 г. выставки в Вене он структурировал своих сотрудников, чтобы те убеждали потенциальных клиентов в бескорыстии фирмы: «Только говорите, что фирма работает на одну Пруссию, и пусть посетители не думают, что мы участвуем в выставке лишь для того, чтобы получить заказы. Мы руководствуемся исключительно соображениями высшего порядка — разъяснить миру политику Пруссии!»

«Англичане еще разинут рты!»

При этом хитрый предприниматель из Эссена ни на минуту не забывал того, о чем еще в 1867 г. писал из Парижа кельнский журналист А. Эбелинг: «Только одна мысль занимает умы тех, кто участвует в этом гигантском празднике народов: будем ли мы на равных стоять рядом с другими участниками, сможем ли мы поспорить с ними за награды или даже быть увенчаны венком победителей».

Иначе говоря, эти чудовищные по своим масштабам промышленные выставки были своеобразными мировыми чемпионатами грюндеров-патриархов. И один из них, фигурировавший под номером один, а именно Альфред Крупп, открыто угрожал: «Англичане еще разинут рты!».

Уже первая промышленная выставка, открывшаяся в Лондоне 1 мая 1851 г., по тогдашним условиям явилась настоящим «супер-

Пушка Круппа на второй Всемирной выставке в Париже (1867 г.)

шоу». Она была организована в лондонском «Стеклянном дворце», получившем позднее мировую известность и представлявшем собой гигантскую конструкцию из стекла и стали, сооруженную по проекту британского архитектора Джозефа Пакстона. Новехонький «храм прогресса» должен был наглядно продемонстрировать возможности промышленности и техники. По этому поводу специалист по истории культуры Рольф Линненкамп писал: «То, чем были для императоров романской эпохи замки-крепости, соборы для клерикалов периода готики, здания магистрата или ратуши для бюргеров-бакалейщиков в век Ренессанса и, наконец, замки в стиле барокко для верхушки феодальной знати,— все это в глазах представителей класса предпринимателей было хотя и достойным для подражания, а нередко и типичным для них, однако далеко не так репрезентативно, как этот подобный замку Грааля стеклянный дворец, напоминающий одновременно и бургтеатр, и храм, и купола железнодорожного вокзала, и универсальные магазины, одним словом, нечто сверхсовременное... Труд, затраченный на роскошную отделку здания, сделал свое дело. Огромное сооружение из стекла как бы оведалось ветрами всего мира, излучало какую-то таинственную, но притягивающую к себе неизвестность».

Чудовище на улицах Парижа

Более шести миллионов посетителей совершили паломничество в выставочный замок из стекла, в котором более 13 тыс. фирм со всей Европы, из США и России представили образцы своих наиболее престижных

изделий. Альфред Крупп, подобно офицерам генерального штаба перед сражением, уже за много недель до открытия выставки подготовил свой выход на международную арену — его агенты в Великобритании снабжали информацией об экспонатах конкурентов. Он приготовил для лондонцев «вещичку», которая вряд ли могла остаться незамеченной — отливку из литой тигельной стали весом 4290 фунтов, — и, кроме того, пушку, которая тоже была отлита из стали, а не из бронзы, как это было принято до сих пор.

Англичане, являвшиеся до этого времени ведущей нацией в обработке стали, были удивлены. «По поводу размеров следует сказать, что, без сомнения, до сих пор столь большие отливки не изготавливались», — отметили члены жюри и присудили немецкому предприятию высшую награду — Council Medal. А некоторые британские журналисты, не вдаваясь в подробности, вначале приняли Круппа за одну из английских фирм, ибо, по их мнению, немец не смог бы изготовить нечто подобное.

Разумеется, такое положение довольно скоро изменилось, и четыре года спустя, на выставке в Париже, немцев уже нельзя было просто не замечать. «Месье» Альфред Крупп из неизвестного прусского провинциального местечка Эссен с первого дня работы выставки дал пищу для разговоров более чем пяти миллионам ее посетителей. Они начались с того момента, когда огромная стальная отливка, которую Крупп решил отправить на берега Сены, прогрохотала по улицам Парижа. Она оказалась вдвое больше и тяжелее, чем тот чудовищный экземпляр, отлитый из 98 тиглей, который вызвал такую сенсацию в Лондоне.

Мощные транспортные тележки, усиленные медными пластинами, не выдержали все же веса стального чудовища и сломались на пути к выставочному павильону «Трокаде-ро». Стальной блок из Эссена должен был метр за метром перетаскиваться к выставочному павильону с помощью катков по дощатому настилу подобно тому, как это делали строители древних египетских пирамид при транспортировке камней. И все это — к потехе огромной толпы людей, которая сразу же собралась вокруг объекта тевтонского бахвальства.

Война немецких сталеваров

Когда колосс занял наконец свое место в выставочном павильоне, то вдобавок ко всему пол под ним осел, и выставочный образец весом в 10 тыс. фунтов с неопишуемым грохотом рухнул в подвал. Собравшиеся здесь для предварительного осмотра члены жюри были на волосок от смерти — провалившийся в подвал экспонат едва не увлек их за собой и не раздавил в лепешку. Когда об этом узнал Альфред Крупп, оставшийся дома из-за неотложных дел, с ним случился нервный припадок. Ибо одновременно с этим он получил от своих агентов в Париже специальный выпуск журнала *Monde Industriel*, в котором со всеми подробностями описывались три исполинских колокола из литой стали, выставленные в Париже самым опасным конкурентом Круппа Якобом Майером. Последний еще в 1842 г. основал металлургическое предприятие «Бохумер ферайн фюр бергбау унд густальфабрикацион».

На подобные известия предприниматель из Эссена обычно реагировал весьма болезненно, потому что выходец из Швабии Майер уже давно не давал ему спокойно спать. Именно этот самый Майер, часовых дел мастер, въедливо и настойчиво утверждал, что как раз он изобрел стальное фасонное литье. К великому сожалению Круппа, ему не удалось оспорить эту привилегию у Майера. Хотя Крупп распространял в Эссене слух, что Якоб Майер самым подлым образом сманил у него нескольких рабочих и выведал у них секреты изготовления литой стали, сегодня достоверно установлено, что в Бохуме еще в 1844 г., т.е. когда Круппу не была известна литая сталь, была отлита первая пушка из нее. И с тех пор два стальных барона всегда шли войной друг на друга, где бы они ни сталкивались. Крупп, на предприятиях которого во время выставки 1855 г. было занято более тысячи человек, незамедлительно опротестовал утверждение, что бохумские колокола якобы отлиты из литой стали. Он был убежден в том, что они изготовлены из чугуна и при повторной проверке не могли бы быть отлиты вновь. С негодованием бохумцы отвергли подобные подозрения и предложили передать дело на рассмотрение нейтрального международного жюри.

«Определенная беззастенчивость...»

Альфред Крупп принял вызов и выделил 2100 франков на проведение проверки. Одновременно он дал указание своим парижским уполномоченным, чтобы те использовали все имеющиеся возможности воздействия на жюри: «Не жалейте добрых слов и денег, чтобы завести друзей, которые помогут вам. Будьте максимально подобоострастны по отношению к прусским, а равно и к французским чиновникам». Историк Эвелина Крокер, в диссертации которой исследуется тема «Всемирные выставки XIX столетия», дает всему этому следующую оценку: «Определенная беззастенчивость в поведении Круппа на всемирных выставках, которая, по меньшей мере, в форме резких высказываний не замечается у других предпринимателей, бросается в глаза особенно в тех случаях, когда речь шла о прямом воздействии на комиссии, обязанные в силу своего положения быть объективными».

В Париже не помогли, однако, ни деньги, ни добрые слова. Анализ материала, из которого были отлиты бохумские колокола, не оставлял никаких сомнений: это была литая сталь. Газеты отводили целые колонки освещению тяжбы между немецкими сталеварами. В Бохуме вышел даже специальный выпуск газеты Меркшпер шпрыхер, в котором триумфально сообщалось: «В городе царит всеобщее ликование по поводу того, что недостойные интриги живущего по соседству завистника не смогли помешать нашей фабрике литой стали получить одну из пяти больших почетных медалей, которые вообще достались Пруссии. Правое дело победило, а тщеславие и невежество теперь уже утратившего первенство фабриканта литой стали со всеми его мистификациями получили жестокий урок».

В конечном счете оба конкурента оказались в выигрыше от той широкой известности, которую неожиданно получила в Париже их тяжба. С удовлетворением отмечал благоволивший Круппу его биограф Герт фон Класс: «Всемирные выставки всегда были для Круппа мероприятиями, сулившими ему успех. Они являлись благодатной почвой, на которой раскрывалось его искусство вести «пропаганду» в широком масштабе... Возможно, Крупп был первым пропагандистом в мире». А генеральный директор фир-

мы «Бохумер ферайн» Луис Бааре через два года после этой истории сокрушенно констатировал во время своей поездки в Южную Германию: «В Южной Германии о нас никто ничего не слышал и не знает». И лишь когда он в присутствии своих заказчиков заводит речь о тяжбе по поводу литой стали, лица его собеседников светлеют и они «признают, что читали в Париже о его фирме». Из этого Бааре делает естественно напрашивающийся вывод, который уже давно был известен Альфреду Круппу: «Совершенно необходимо, чтобы название нашей фирмы время от времени называлось публично».

Заманчивое предложение из Франции

Хотя в Париже Крупп и оказался проигравшей стороной в «колокольном споре», тем не менее конкурент из Эссена оставил о себе более глубокое, чем его соперник, впечатление. Это объяснялось тем, что кроме своей гигантской отливки Крупп предложил посетителям еще один экспонат, который вызвал у французов крайнее удивление, — отполированную до зеркального блеска пушку, которая выглядела в точности как знаменитое полевое орудие французской армии Canon de l'Empereur («пушка императора»). С той только разницей, что эссенская 12-фунтовка была изготовлена из стали, а не из бронзы, как ее французский аналог.

Император Наполеон III, покровитель выставки и фанатичный поклонник орудий, был в полном восторге от этого экспоната и сразу приказал подвергнуть обстоятельному испытанию эту стальную прашу. Тест показал, что пушка Круппа была почти на два центнера легче, чем стандартное орудие французской артиллерии, а ее ствол не обнаружил ни малейшего износа даже после 3000 выстрелов, которые были сделаны во время пробной стрельбы в Винсенне. За свою пушку Альфред получил вторую золотую медаль, а позднее даже орден Почетного легиона.

Дальше — лучше: если уж англичане в свое время приняли Круппа за одного из своих, то французы вдруг припомнили, что в 1812 г., когда родился основатель фирмы, Эссен, место его появления на свет, еще прина-

лежал Франции. Поскольку немец, умевший изготавливать столь опасное оружие, был, собственно говоря, французом, то никто не терял надежды привлечь его под цвета французского флага. Самый могущественный банк Франции «Креди мобилъе» предложил эссенцу, который постоянно нуждался в деньгах, кредит на сумму более 30 млн. золотых франков (по сегодняшней оценке, примерно 300...400 млн. марок!). Единственное условие, поставленное Круппу,— ему надлежало перенести свою фабрику во Францию.

Запоздалая победа над конкурентами

Быть может, история Европы сложилась бы иначе, если бы пушечный король принял это предложение. Ведь во франко-прусской войне 1870/71 г. именно крупповские стальные орудия наряду с сетью прусских железных дорог, проложенных в соответствии с военно-стратегическими соображениями, а также стратегией Мольтке, определили в конечном счете судьбу компании. И разумеется, не чистый патриотизм побудил Круппа отказаться от золота банка «Креди мобилъе». Из писем и заметок Круппа того периода совершенно четко вытекает, что на уме у него было только одно — оставаться неограниченным хозяином в своем собственном предприятии. Получение же такого огромного кредита поставило бы его в безнадежную

зависимость от французского банка. Кроме того, он опасался, что французы заинтересованы лишь в его патенте производства литой стали и что, как только узнают секрет, они возьмут назад свое согласие на предоставление кредита.

Итак, Крупп не хотел, по существу, терять свою самостоятельность, но он был в любой момент готов вооружить всю французскую артиллерию своим полевым орудием из литой стали, даже, невзирая на опасность, что Франция за счет этого получит огневое превосходство над немцами. И все-таки французы, которые сами располагали развитой военной промышленностью, не захотели уступить за границе такой огромный заказ. Наполеон III остался при своих двенадцатифунтовых и под Седаном был наголову разбит немцами. Что касается Альфреда Круппа, то благодаря неустанной деятельности по пропаганде своего нового орудия на последующих всемирных выставках он поднялся до положения пушечного короля общеевропейского масштаба. Но только через 110 лет после завершения «колокольной тяжбы» его предприятие вышло победителем и в конкурентной борьбе с соперниками из Бохума. В 1965 г. предприятие «Фридрих Крупп хюттенверке АГ» в Райнхаузене полностью поглотило «Бохумер ферайн фюр бергбау унд густхальфабрикацион».

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ КОРОЛЬ

Когда грюндерство вступило в период своего наивысшего расцвета, то для человека, являвшегося самым богатым и могущественным представителем плеяды первооткрывателей, лучшие годы были уже позади. Бетель Генри Штроусберг, родившийся в 1823 г. в восточнопрусском Найденбурге в семье обедневшего еврейского адвоката, без сомнения, являлся одной из самых блестящих фигур XIX в. Он олицетворял собой как те фантастические возможности для самых головокружительных карьер, которые предоставляла эпоха индустриализации, так и огромный риск, который подстерегал тогда предпринимателей.

Штроусберг, который, по понятиям тяжелой промышленности, начинал свою карьеру почти неимущим, считался в свои лучшие годы одним из самых богатых людей мира. Он владел громадными поместьями с великолепными замками, одной из красивейших вилл Берлина, десятками фабрик, металлургических заводов, угольных шахт и железнодорожных компаний. Где бы он ни появлялся, везде его принимали, как князя. И будь он чуть менее легкомыслен, его имя стояло бы сегодня в одном ряду с именами Круппа, Тиссена и Борзига, а так ему не оставалось ничего иного, как славы величайшего банкрота грюндерских лет.

Начало необычайной карьере неприметного еврейского мальчика из Восточной Пруссии, который уже в раннем возрасте был обращен в христианскую веру и на тринадцатом году жизни избавился от данного ему при крещении имени Барух Хирш, было положено в Лондоне. Здесь, в маленькой экспортно-импортной фирме братьев своей матери бедный родственник из Найденбурга надеялся получить возможность обеспечить себе хотя бы небольшие удобства в жизни.

В появившейся в 1876 г. автобиографии «Штроусберг и его деяния, описанные им са-

мим» он пишет о тех годах несколько высокопарно: «Я использовал это время для того, чтобы получить научное представление о положении самых различных стран, с которыми у нас установились связи, а также о принципах банковской и торговой систем, и вообще посвящал свои карманные деньги, заработную плату и каждую минуту свободного времени духовному совершенствованию».

Юный издатель терпит кораблекрушение

Такого рода старания, очевидно, не пропали даром, поскольку всего через несколько лет бывший помощник продавца уже работал экономическим обозревателем нескольких небольших газет. Как долго занимался он этим делом и для каких газет писал, будущий промышленный магнат, к сожалению, оставил нас в неизвестности. Верно только то, что он учредил собственную экономическую газету под названием *The Merchant's Magazine*, а вскоре после этого купил литературный ежемесячник *Sharpe's London Magazine*.

Свои годовые доходы от обоих изданий Штроусберг оценивал почти в 1500 ф. ст. что в те времена соответствовало примерно 10 тыс. талерам. В связи с этим он хвастливо писал: «Впрочем, такой суммы не хватало для того домашнего хозяйства, какое я вел в Англии. К тому времени я содержал, как всегда, где это мне представлялось возможным, respectable дом, в котором царили гостеприимство, художественный вкус и комфорт».

Юный издатель потерпел крушение, когда решил печатать свои издания в «более дешевой» Германии. Поскольку готовые экземпляры постоянно поступали в Лондон с большим опозданием, абоненты постепенно отошли от газет. Штроусберг вынужден был продать оба издания по низким ценам.

В последующие годы он зарабатывал себе на жизнь, работая генеральным агентом в одной прусской компании по страхованию жизни и в качестве импортера произведений немецкого искусства.

В то время как торговля произведениями искусства никак не хотела процветать, операции по страхованию жизни шли все лучше. Знание отрасли очень пригодилось ему, когда среди страховых компаний в Англии разразилась волна слияний. Для нескольких крупных компаний он сумел подготовить экспертные оценки о стоимости интересных кандидатов на слияние, что, как он заметил, принесло ему кругленькую сумму в 10 тыс. ф. ст.».

По воле случая – в железнодорожный бизнес

В 1855 г. Штроусберг переселился в Берлин, чтобы урвать свой кусок от «немецкого экономического чуда», слух о котором дошел между тем и до Лондона. Случаю было угодно, чтобы в один прекрасный день к Штроусбергу заявились несколько британских джентльменов с рекомендательными письмами их посольства, которые желали получить его совет «по поводу приобретения концессии на строительство железной дороги Тильзит – Инстербург». Вопрос о том, что именно побудило господ поручить выполнение такой задачи малозначительному страховому агенту и потерпевшему неудачу бывшему издателю, никогда не будет выяснен до конца.

Единственная связь, которую Штроусберг имел до этого в Берлине с британским посольством, была весьма поверхностного свойства. Будучи вынужденным представлять в Берлине интересы одного английского подданного, предъявившего иск прусскому правительству, английский посланник лорд Бломфилд заручился юридическом заключением блестяще владевшего английским языком немца. Кроме того, посол напрямую подключал красноречивого эксперта к переговорам между британцем лордом Лофтусом и его немецким контрагентом графом Арнимом. И вот случай впервые подкинул первую козырную карту рыцарю удачи.

С прусской стороны переговоры вел советник юстиции Гепперт. Этот чиновник был

лично заинтересован в исходе жестких переговоров о дороге Тильзит-Инстербург. Они продолжались уже три года. Могли ли британские кредиторы, и если да, то в каком размере и на каких условиях, участвовать в строительстве прусской железной дороги? И этот вопрос стал тем, что в корне изменило жизнь Бетеля Генри Штроусберга.

Игра втемную

Юркий агент с самого начала взял ход переговоров в свои руки. Англичане, возглавлявшиеся мистером Хэндри, предоставили Штроусбергу неограниченные полномочия действовать за них. Его партнером на переговорах был тот самый советник юстиции Гепперт, с которым он уже раньше познакомился в посольстве. Штроусберг вспоминает: «Трудность состояла в том, чтобы найти законную форму, которая обеспечила бы привлечение капитала, покрытие связанных с этим издержек и курсовых потерь, приобретение земельных участков, осуществление строительства и, наконец, получение связанной с этим законной прибыли. Сложность создавалась... предписаниями торгового кодекса, согласно которым обществу не разрешалось продавать акции по цене ниже номинальной стоимости и вообще никакое общество нельзя официально учреждать до того, как будет доказано, что весь акционерный капитал распространен среди акционеров по его номинальной стоимости».

Штроусберг решил эту проблему путем использования строительно-финансовой системы, с которой он познакомился в Англии. Так называемая система General Enterprise (генерального подряда) предусматривала, что государство целиком передавало строительство дороги, включая приобретение земли, одному предпринимателю и оплачивало этот подряд акциями. Предприниматель мог затем по своему усмотрению продать эти акции на бирже, но должен был полученную от их реализации выручку внести в кассу компании. В дальнейшем в зависимости от хода строительных работ он получал из кассы соответствующую долю своего дохода.

Прусское государство, крайне заинтересованное в строительстве новых железных дорог, не имело достаточно ни людей, ни денег, чтобы самостоятельно заниматься этим делом. А частные предприниматели, которые

были в состоянии осилить то и другое, делали упор прежде всего на ценность уникального товара. Строительство железной дороги сопровождалось чрезвычайным риском: никто не знал заранее, насколько дорогой могло оказаться одно приобретение необходимого земельного участка, поскольку цены на землю имели обыкновение резко повышаться, едва только просачивалась информация о запланированном прохождении трассы. Трудно было калькулировать также стоимость самих строительных работ, так как она в значительной степени зависела от особенностей местности. Намного сложнее было определить, как интенсивно впоследствии станет эксплуатироваться дорога, ибо сравнительные данные все еще были очень неполными. Наконец, совершенно открытым оставался вопрос, как отреагирует биржа на выпуск акций железной дороги. Последнее означало, что отсутствовали точные данные об окупаемости так необходимого капитала. Лишь отчаянный человек, легко идущий на риск, мог вести игру втемную.

«Человек, который покупает все»

Бетелю Генри Штроусбергу эта задача была по плечу. Если в своем первом проекте — строительстве железной дороги Тильзит — Инстербург — Штроусберг возложил на себя лишь функции генерального поверенного британских кредиторов, то при строительстве других железных дорог в Пруссии он уже выступал как генеральный подрядчик. Что касается Восточнопрусской южной железной дороги, то он был там уже движущей силой строительства и являлся, по-видимому, единственным участником проекта, который греб деньги лопатой. Непосредственным руководителем проекта он назначил исключительно богатого англичанина Джозефа Брэя, обладавшего большим опытом строительства железных дорог. Последний, как с большим самомнением отмечал Штроусберг в своих мемуарах, «потерял в ходе строительства все свое состояние, стоимость которого превышала 3 млн. талеров». Напротив, продувной подрядчик заработал на проекте не менее 300 тыс. талеров наличными и получил к тому же обширные поместья в Восточной Пруссии.

Потерпевший в прошлом неудачу «издатель» Штроусберг сразу стал зажиточным бюргером и, что было еще важнее, сделал себе имя как великолепный организатор и эксперт по строительству железных дорог. И с этого момента все пошло как по маслу: в течение буквально нескольких лет «гениальный любитель», как охарактеризовал его однажды один современник-банкир, Штроусберг превратился в прусского железнодорожного короля.

После Южной железной дороги в Восточной Пруссии Штроусберг построил железную дорогу Берлин — Герлиц на правобережье Одера, Бранденбург — Позен, Галле — Сорау и, наконец, линию Ганновер — Альтенбекен. В общей сложности протяженность вновь построенной железнодорожной сети превысила 1 тыс. км. Вскоре и иностранные государства стали проявлять интерес к легендарному строителю железных дорог из Германии. От русского царя Штроусберг получил разрешение на строительство железнодорожной ветки Брест — Граево. Наконец, он принял за сооружение Северовосточной железной дороги в Венгрии.

На реализации всех этих проектов железнодорожный король получил огромные барыши. Но в избытке чувств от своих успехов он упустил одно — вовремя создать резервы на покрытие неизбежно возникающих в последующем убытков. Все это происходило в то время, когда берлинские банкиры насмешливо называли его «человеком, который покупает все». В этой оценке содержалось лишь небольшое преувеличение, потому что в действительности Штроусберг сумел в течение небольшого отрезка времени создать крупнейший в Европе промышленный концерн.

Борзиг приказывает убрать рычаги управления

Типичным для образа мышления и действий поднявшегося из ничего крез^{*} было принятое им решение начать, помимо строительства железнодорожных линий, производство паровозов. По этому поводу сам Штроусберг пишет: «При очень крупных заказах, которые мне предстояло выдавать, в отдельных отраслях я оказывался в полной

* Крез [по имени легендарного царя Лидии (Малая Азия)] — обладатель несметных богатств.

зависимости от фабрикантов. Я вынужден был вносить крупные задатки до и во время изготовления заказанных мною изделий, оплачивать всю сумму заказа перед отгрузкой товара и выполнять всевозможные неприятные для меня условия, в то время как, будучи заказчиком, я мог бы рассчитывать на максимальный учет моих собственных пожеланий.

Не в моем характере было так спокойно выносить все это; и как раз поведение господина Борзига навело меня на мысль сделать себя в известной мере независимым путем приобретения и строительства собственных фабрик. Утвердило меня в этой мысли следующее происшествие: я заказал у Борзига паровозы, кажется 30 штук, для дороги Берлин — Герлиц, затем стоимость одной трети заказа оплатил и, кроме того, оплатил еще треть стоимости заказа по группе уже строящихся паровозов в соответствии с положениями контракта. В итоге в руках у господина Борзига оказалось несколько сотен тысяч талеров, вместо которых я сам не получил ничего.

В таких условиях были изготовлены и поставлены первые три паровоза. Это произошло в полном соответствии с условиями контракта. Последнюю треть стоимости предстояло уплатить при приемке, т.е. после положительного заключения о состоянии паровозов. Паровозы были переданы Герлицкой железной дороге. Я не имел бы ничего против всего этого. Хотя было бы весьма неуместно, если бы Борзиг сообщил компании о том, что он поставит ей эти паровозы как свою собственность и сохранит за собой право собственности на них до тех пор, пока не осуществят окончательные расчеты. Однако этой меры предосторожности названному господину еще недостаточно. Он приказал убрать с паровозов рычаги управления, чтобы я не мог начать их эксплуатацию. Это оскорбление чрезвычайно возмутило меня».

Смелый замысел создания концерна

В то время Штроусберг был уже достаточно силен, чтобы дать отпор одному из крупных, помимо Альфреда Круппа, предпринимателей Германии. Недолго думая, он приобрел «Эгесторф», конкурирующую с Борзигом паровозостроительную фабрику в Линдене под Ганновером, на базе которой позднее возник концерн «Ханомаг-верке». Осуществляя громадные капиталовложения, он расширил

производственные мощности фабрики примерно с 40 до почти 300 паровозов в год и увеличил численность занятых с 600 до 2500 человек. Почти одновременно с этим он приобрел в Руре сталеплавильный и прокатный завод «Дортмундер хютте», чтобы иметь возможность изготавливать железнодорожные рельсы, необходимые для строительства дорог, на собственном предприятии.

По тому времени идея вертикального концерна, который производил бы все — от стали и необходимого в ее производстве угля до локомотивов, — т.е. все то, что было нужно для строительства и эксплуатации железной дороги, была новой и неслыханно смелой. Однако опьяненный прежними успехами неутомимый предприниматель чересчур поздно осознал, что этот замысел таил в себе также и большие риски. Поскольку Штроусберг должен был думать одновременно о самых различных сделках, а функционирующего аппарата управления концерном еще не существовало, его неудачи стали частым явлением. Паровозы с фабрики «Эгесторф» часто выходили из строя, прокатные станы в Дортмунде нередко оставались незагруженными, и даже в самом строительстве железных дорог дело вновь и вновь доходило до таких срывов, которые обходились ему чертовски дорого. Уже тогда весьма осмотрительный берлинский банкир Герсон Бляйхредер давал такую оценку: «Это толковый и рассудительный человек, однако его манера раздувать сделки, чтобы залатать старые дыры, является опасной. При возникновении трудностей все построенное им здание может рухнуть, и под его развалинами окажутся погребенными миллионы доверчивых акционеров».

Стиль жизни как у царствующей особы

Разумеется, дело еще не зашло так далеко. Штроусберг продолжал покупать и покупать. В Нойштадте, как рядом с Ганновером, он купил металлургический завод, на котором предполагалось с помощью торфа выплавлять чугун, шедший на его паровозостроительную фабрику. В Рурском бассейне он покупает шахту «Глюкауф», в бассейне Вальденбурга — еще несколько угольных шахт, в Зигерланде приобретает металлургический рудник, в порту Антверпена — огром-

ный участок для сооружения на нем крупнейшей в Европе фрахтовой гавани.

Попутно Штроусберг обзаводится всевозможными «мелочами», такими, как скотный рынок и крытые рынки в Берлине, поскольку, следуя собственным прихотям, полагает, что сможет сделать приличный бизнес на поставках свежего мяса и морской рыбы в столицу.

К этому времени «человек, который покупает все», вел уже образ жизни, свойственный царствующим особам. В окрестностях Позена он владел огромными поместьями Тарново, Румянек и Карлсхоф) общая площадь которых составляла 6 тыс. моргенов. На Вильгельмштрассе в Берлине он проживал во дворце, которому позавидовал бы иной князь и в котором позже располагалось британское посольство. Но самым ценным владением Штроусберга было имение Збиров в Верхней Силезии, земельный надел площадью более 100 тыс. моргенов с обширными лесными угодьями, деревней в 400 дворов, а также с лесопильными заводами, металлическими рудниками и угольными шахтами, доменными печами, прокатными станами, фабрикой по производству вагонов и железнодорожной веткой протяженностью 12 миль. Запасы железной руды оценивались в 376 млн., каменного угля — в 115 млн. центнеров. По тогдашним оценкам, все это стоило почти 20 млн. талеров.

Гулливер среди лилипутов

Сэр Эдвард Мэйлет, будущий британский посол в Берлине, так описывает свою встречу с «железнодорожным крезом» в базельском отеле «У трех королей»: «Весь персонал отеля выстроился в холле, и, когда я приблизился к человеку, который, судя по его напускной важности, был директором отеля, тот попросил меня отойти в сторону. Я удалился в угол, подумав, что сию минуту войдет король или по меньшей мере принц. Я видел, как через холл с зажженным канделябром прошагал метрдотель и по ступенькам лестницы вышел на улицу. Затем он возвратился назад, ведя за собой небольшого роста пожилого мужчину одетого в роскошное меховое пальто. Мужчину сопровождала прелестная молодая женщина, по внешнему виду еврейка. Они поднялись по лестнице, официант с канделябром в руках шел впереди.

Персонал исчез, и я вышел из своего угла. Я спросил у портье, который, как мне показалось, обрел наконец после всеобщего возбуждения спокойный, равнодушный вид, пришедший людям его профессии, кто это только что прибыл. Мой вопрос заметно удивил его, и он ответил: «Этот господин — доктор Штроусберг». Услышанное имя ничего не говорило мне, и я вновь задал ему вопрос: «Кто он, этот господин доктор Штроусберг?» Портье изумился еще больше. «Как, вы не знаете господина доктора Штроусберга, крупного финансиста из Берлина?» — ответил он. Находясь на вершине своего могущества, Штроусберг рассматривал себя, видимо, как своего рода сверхчеловека: «Я должен был бы подготовиться к тому, что буду чувствовать себя здесь подобно Гулливеру среди лилипутов. Его размеры устроили жителей, и, не зная, каков был его характер, они посчитали его опасным для себя. Поэтому, когда Гулливер спал, жители связали его бесчисленными маленькими веревками, с тем чтобы он не смог создать для них никакой угрозы. Однако эти маленькие люди были мудры... ибо они не убили его, а ухаживали за ним и, когда лучше узнали Гулливера, смогли извлечь из этой дружбы выгоду, так как он смог сослужить им великую службу».

Дворянство, пресса и чиновники подкуплены

«Гулливер»-Штроусберг представлялся многим современникам, которые не доверяли его фантастическому взлету, скорее карликом в вопросах морали, нежели гигантом в сфере духа. В качестве примера такой позиции приведем мнение Отто Плагау, который с раздраженностью писал в Гартенлаубе: «Золотой ключик открывал любую дверь, Штроусберга знали в каждой конторе, каждом ведомстве, включая министров на самом верху, повсюду он имел друзей и покровителей, которые снабжали его информацией, давали советы и с воодушевлением отстаивали его интересы. Из-за него вынуждены были уйти со своих постов очень многие высокопоставленные чиновники. Штроусберг на самом деле покупал все, и в этом состоял очевидный секрет его успеха; в последнюю очередь он подкупал высшую аристократию...

Он подкупал прессу, чиновничество и аристократию, обходил и попирал законы и открыто бросил вызов всем нормам морали...

Он строил так плохо, как это только было возможно, и брал за это так дорого, как это только можно было себе представить; при этом должны были сыпаться миллионы — и не только для него самого, но и для его сообщников и пособников. Он продавал за бесценок выпускавшиеся им самим акции и привилегированные облигации, если те встречали плохой прием на рынке, сбывал их по любой цене, но вновь и вновь выпускал новые. Он содержал литераторов, одаривал журналистов и назначал им пенсии; таким путем он заполучил в свои руки прессу. Проложенные им железные дороги имели ту кощунственную особенность, что их либо совсем нельзя было пускать в эксплуатацию, или, будучи задействованы, они вскоре становились причиной несчастных случаев...»

Рискованное предприятие в Румынии

Закат человека, в жизни которого удаётся, казалось бы, абсолютно все, начался незадолго до того, как разразилась франко-прусская война, как раз в тот момент, когда он ввязался в самую крупную из своих афер — строительство нескольких железнодорожных линий в Румынии общей протяженностью 942 км.

Незадолго до этого княжество Румыния получило нового правителя — Карла фон Гогенцоллерн-Зигмарингена, который стал именовать себя Каролом I. Позднее он стал королем Румынии. Кароль захотел превратить родину Дракулы в современное индустриальное государство и, безусловно, нуждался для этого в сети железных дорог. Многие европейские предприниматели соперничали между собой за получение концессий, однако наилучшие шансы с самого начала имели липа двое — Штроусберг и австрийский промышленник Офенхайм, барон фон Понтексин. И румыны были достаточно хитры, чтобы столкнуть между собой обоих железнодорожных магнатов, — разумеется, с пользой для себя.

Штроусберг использовал большую заинтересованность Пруссии в румынских железных дорогах — планам Бисмарка лучше всего подходило иметь за спиной Австрии сов-

ременное государство во главе с Гогенцоллернами — и в конце концов привлек в поддержку своего проекта нескольких виднейших представителей высшей аристократии. Герцоги фон Ратибор и Уйест, а также граф Лендорф-Штайнорт дали личное поручительство по финансированию крупнейшего предприятия.

Румынская железнодорожная компания Штроусберга хотела мобилизовать средства, необходимые для строительства, путем продажи 7,5% облигаций на общую сумму 254 млн. франков. Подписку на заем предстояло объявить на фондовой бирже в Берлине и провести под наблюдением агента румынского правительства. Этим агентом был обер-финансират Пруссии Амбронн, с давних пор являвшийся доверенным лицом семьи Гогенцоллерн-Зигмаринген. Румынское правительство приняло на себя обязательство обеспечить выплату процентов, срок по которым наступил, однако осталось неясным, должно ли это обязательство вступить в действие сразу или только после окончания строительства дорог. В свою очередь Штроусберг обязался не позднее 1872 г. сдать участки дорог в эксплуатацию.

Как генерал во время сражения

С самого начала это предприятие Штроусберга находилось под несчастливой звездой. Поскольку он одновременно прокладывал железнодорожные пути во многих местах Европы, его лучшие инженеры, техники и рабочие были привязаны к этим объектам. Для стройки в Румынии оставались лишь специалисты второго сорта. Штроусберг рассказывает: «Многие не желали работать за рубежом, поэтому я был вынужден комплектовать персонал стройки большей частью из чуждых и неизвестных для меня, причем не всегда лучших элементов. Не на что было ориентироваться при калькуляции цен, нормировании работ, расходовании материалов; местные предприниматели привыкли работать по правительственным заказам, на которых они наживались благодаря различным махинациям. Срочно возникший спрос привел к повышению всех цен и вообще затруднил заключение контрактов. И как вообще можно было начинать строительство там, где не существовало никаких планов?»

Все материалы и большая часть рабочей силы должны были ввозиться в эту балканскую страну, страдающую бездорожьем и все еще продолжающую жить в какой-то мере нравами и обычаями средневековья. Несмотря на эти проблемы, Штроусберг сделал ставку на оптимизм. Как генерал перед сражением, он подбадривал своих рабочих, выступая перед ними в Галаце, городе, в котором должно было начинаться строительство: «Вы не должны изменять своей прусской натуре и впадать в немецкую дремоту, а должны, твердо следуя лучшим прусским традициям, быть подтянутыми, энергичными, благодарными и исключительно терпеливыми!» Напоследок он даже пообещал Каролю I, с тем чтобы получить львиную долю концессий, закончить сооружение дороги уже в конце 1869 г. В это же время его крупный конкурент Оффенхайм приступал к сооружению другой, правда значительно более короткой, линии железной дороги.

«...или же грубы до нахальства»

Целые флотилии судов шли по Дунаю, груженные рельсами, деталями мостов, паровозами, вагонами и арматурой для железных дорог; тысячи воловьих упряжек тянулись по проселочным дорогам», — предавался приятным воспоминаниям Штроусберг. И все-таки трудностей становилось все больше. То отсутствовало необходимое техническое оборудование, то грубо ошибались плановики, а то бастовали рабочие. К этому следует добавить и то, что строительство дорог ни в какой мере не пользовалось популярностью у румынского населения. Иностранцев, скорее, считали за эксплуататоров, которые покупали продукцию у местных ремесленников по чересчур низким ценам и предъявляли при этом слишком высокие требования.

Когда же в конечном счете произошла еще и смена политической власти — вместо положительно относившейся к сооружению дороги «красной» к власти пришла сугубо националистически настроенная «белая» партия, — сроки строительства полностью нарушились. Все землевладельцы, уступившие земельные угодья компании по строительству железных дорог, потребовали теперь более высокие цены, а румынские чиновники, которые до этого были готовы в любой момент оказать помощь, неожиданно стали

весьма строптивы. В конце 1869 г. рабочие колонны Штроусберга были все еще весьма далеки от своей цели, в то время как конкурент Оффенхайм с большой помпой открыл свою линию.

У железнодорожного короля все более и более сдавали нервы, и новый прусский генеральный консул Йозеф Мариа фон Радовиц докладывал из Бухареста в Берлин о растущих антинемецких настроениях. Позднее Штроусберг с горечью писал в своих мемуарах, что «в Румынии вообще нельзя было достигнуть чего-нибудь по-хорошему, потому что большинство румын либо пресмыкаются раболепно, либо грубы до нахальства».

Роковая развязка приближается

Во время одной из этих остановок в работе дело уже не сдвинулось больше с места (последнее произошло, разумеется, в Трансильвании), и события развивались дальше своим чередом. Отчеты Радовица звучали все озабоченнее, давно уже намеченное открытие одного из участков пути постоянно откладывалось, румынские газеты превосходили друг друга в полных ненависти тирадах, направленных своим острием против прусских строителей железной дороги. В конце весны 1870 г. на берлинской бирже началось падение курса румынских облигаций, а Радовиц в Бухаресте получал со всей Германии озабоченные запросы о положении дел с проектом.

В августе биржевой курс румынских облигаций упал до 43 пунктов, т.е. до уровня, который прежде едва ли считался возможным, а немецкие подписчики стали одновременно с этим на 50 млн. талеров беднее. Несколько позднее бесследно исчез из Бухареста советник юстиции Амбронн, который должен был осуществлять контроль за финансами Штроусберга. Задним числом выяснилось, что до своего исчезновения он еще успел осуществить ряд чрезвычайно сомнительных махинаций в пользу Штроусберга. Чаша народного терпения в Румынии переполнилась, и этот случай грозил превратиться в европейский политический скандал крупнейших масштабов.

Поскольку франко-прусская война также оказывала отрицательное влияние на биржевые курсы акций, а бизнес на железных доро-

гах стал приходиться в упадок, империя Штроусберга зашаталась. Каждый шесть месяцев ему одному приходилось выплачивать по 2,5 млн. талеров в виде процентов по своим румынским облигациям, и уже в середине 1870 г. он с большим трудом собрал нужную сумму. Это удалось ему лишь после того, как он выбросил на рынок огромное количество акций из собственных активов и разместил на нем крупные займы. Позже он утверждал, что потерял на этих операциях 4 млн. талеров, поскольку должен был продавать ценные бумаги по самым низким биржевым котировкам.

Штурм немецкого посольства

Штроусберг мнил себя жертвой международного заговора, в котором известную роль сыграли якобы берлинские банкиры. Поскольку они отказали ему в дальнейшем предоставлении кредитов, он обратился наконец за помощью к государству. Он хотел получить от прусского правительства 2,5 млн. талеров наличными под залог акций его многочисленных предприятий на сумму 5 млн. талеров.

В поддержку этой операции выступил прежде всего Бисмарк, потому что он знал, что в сделках Штроусберга замешан ряд его, Бисмарка, ближайших друзей. Кроме того, он опасался катастрофических последствий развала одной из крупнейших немецких промышленных групп. Однако либерально настроенные министры в кабинете Бисмарка отказались транжирить государственные деньги на нужды частного предпринимателя. 1 января 1871 г. Штроусберг был вынужден признать свою неплатежеспособность, но при этом пообещал не позднее чем до конца марта собрать 2,5 млн. талеров для выплаты процентов, по которым наступили сроки платежа.

Румынское правительство категорически отказалось признать выданные им гарантии по уплате процентов. Свой отказ оно аргументировало тем, что данные обязательства вступают в силу лишь с окончанием сооружения дороги. Речь шла о колоссальных суммах: следует представить себе, что бы произошло, если бы лопнул румынский проект, ведь на карту был бы поставлен немецкий капитал на общую сумму 200 млн. талеров. Поддержанный Бисмарком, считавшим ру-

мын «пришедшим в упадок народом», который следовало бы призвать к порядку с помощью «пары сильных батальонов», Штроусберг со всей решительностью потребовал права на эмиссию новых облигаций от имени румынского правительства, с тем чтобы иметь возможность выполнить свои текущие обязательства.

Положение в Бухаресте обострилось, и 22 марта разбушевавшиеся противники Штроусберга ворвались в помещение, в котором собралась немецкая колония и посланник Радовитц, чтобы отпраздновать день рождения Вильгельма I. Бунтовщики разгромили помещение и нанесли ранения многим присутствовавшим на собрании членам немецкой колонии. Румынская полиция в бездействии наблюдала за происходящим.

Арест в Петербурге

Немецкий посланник, возмущенный происшедшим инцидентом, потребовал от Кароля I отставки румынского правительства в полном составе. Гогенцоллерн, трон которого уже заметно пошатнулся, согласился на это требование из страха перед реакцией немецкого канцлера, которому трудно предсказать заранее. И тем не менее оказалось невозможным решить запутанную проблему с помощью политических и даже военных средств.

В далеком Берлине это признал в конечном счете даже Отто фон Бисмарк. Поэтому осенью 1871 г. он поручил двум своим умнейшим банкирам взяться за это дело. Герсону Бляйхредеру и Адольфу Ханземану потребовалось почти 11 лет на окончательное решение этой проблемы. В качестве своего первого шага они учредили новое акционерное общество, которое приняло на себя права и обязательства потерпевшего крах предприятия Штроусберга. Сам он пообещал внести по крайней мере 6 млн. талеров к тем 15 миллионам, которые новое общество хотело набрать, чтобы довести до конца строительство железных дорог, однако он не смог сдержать свое обещание. Это произошло по той причине, что железнодорожный король так и не смог выйти из «красных цифр» на банковских счетах, хотя другие его предприятия продолжали функционировать. Дыры, которые румынская авантюра наделала в кассе его концерна, были настолько велики, что

их не удалось бы залатать даже с помощью новых манипуляций.

В конце 1875 г. человек, который прежде мог похвастаться тем, что зарабатывает в месяц более 1 млн. талеров, был арестован в Петербурге из-за опротестованного векселя на сумму более 2 млн. талеров. Русский Ссудно-коммерческий банк, который состоял со Штроусбергом в деловых связях еще со времени сооружения железной дороги Брест — Граево, опасался за свои кредиты, а директора банка за свои головы. Штроусберг был перевезен в Москву и заключен в долговую тюрьму. Обвинители поставили ему в вину то, что он склонил руководство Ссудно-коммерческого банка одобрить предоставление ему более крупных кредитов, чем это разрешалось уставами русских банков.

Концерн идет с молотка

Будучи лишенным свободы, мультипредприниматель не имел больше никаких возможностей удержаться в своих руках нити своего распавшегося концерна. В то время как его немецкие, бельгийские, австрийские и французские общества одно за другим были вынуждены объявить о своем банкротстве, Штроусберг писал в московской тюрьме слезливую оправдательную автобиографию, в конце которой значится: «Дело еще рассматривается, я не в состоянии и не имею также желания критиковать законы и отправление правосудия в России. Я начинал работать в Пруссии и никогда не думал, что буду судим и что со мной станут обращаться по русским законам. Я убежден, что даже по русским законам обвинение несостоятельно. Однако исход дела, учитывая господствующие здесь условия, представляет собой лотерею».

Его последняя надежда была связана с сохранением за ним имения Збиров, которое в один прекрасный день должно было позволить ему вновь стать активным предпринимателем. Однако и эта жемчужина его бывшей империи пошла с молотка и принесла, как это можно было предполагать, гораздо меньше тех 20 миллионов, в которые она оценивалась. Когда после семилетнего заключения в московской тюрьме Штроусберг был выпущен на свободу, этот человек, прежде самый богатый в Германии, оказался бедняком. Тщетно пытался его прежний компаньон граф Лендорф-Штайнорт ока-

зать давление на русских через ведомство иностранных дел и раньше срока освободить Штроусберга.

От императора Вильгельма I, который никогда не мог постичь того, что его друзья-аристократы связались с таким парвеню, как Штроусберг, пошел следующий анекдот: «Когда он (Вильгельм I), скромный, сдержанный человек, которому претило все чрезмерное, хвастливое, узнал об осуждении Штроусберга, то он сказал компаньону последнего герцогу фон Уйесту: «Добрый день, доктор Уйест, как дела герцога фон Штроусберга?» Об этом рассказывает графиня Марион Денхоф в своей книге «Имена, которые никто больше не произносит».

Возвратился в Берлин нищим

В 1882 г. Штроусберг возвратился в Берлин. Банкир Карл Фюрстенберг рассказывает об этом: «Сам я познакомился с Штроусбергом лишь тогда, когда он, совершенно надломленный человек, после освобождения из заключения в Москве почти нищим возвратился в Берлин, который он когда-то покинул магнатом, владевшим доселе невиданным богатством. В то время как раз я стал владельцем банка «Берлинер хандельсгезельшафт» и, возможно, одним из самых известных, во всяком случае, самым современным тогда банковским директором Германии. В рваной одежде ко мне пришел Штроусберг и сказал, что я являюсь единственным в Германии человеком, который может помочь человеку его, Штроусберга, таланта опять оказаться в седле. Я вынужден был возразить ему, что мне надлежит первым делом обеспечить свой собственный дом и я не вижу никакой возможности помочь ему подняться на ноги. Этот человек был низвержен с такой неслыханной высоты, что я не мог отказать ему в соболезновании, хотя несчетное число судеб было разрушено по его вине».

Погребен в румынской грязи

В одном из своих писем своему другу, графу Карлу де Сент Валье, тогдашнему послу Франции в Берлине, Бисмарк отводит душу по поводу аферы Штроусберга: «Наши крупнейшие магнаты и чистильщики сапог полагают, что Штроусберг преподнесет им золо-

той кладезь, и масса людей рисковала большей частью своей собственностью, потому что они доверились обещаниям этого искателя приключений. Все это погребено теперь в румынской грязи, а многочисленные люди в один прекрасный день увидели себя разоренными: два герцога, один генерал-адъютант, полдюжины придворных дам, вдвое большее число камергеров, сотня владельцев кафе и все кучеры дрожek в Берлине...

В настоящее время румынское правительство с ростовщической грубостью пользуется бедственным положением акционеров: интригами, различными ухищрениями, шантажом оно стремится вынудить их передать железную дорогу правительству за бутерброд... Каждый день наши немецкие инжене-

ры и рабочие подвергаются избиениям, жестокому обращению, давлению, обману; у них отбирают все, а мы не можем ничего поделать, чтобы помочь им... Именно поэтому я сказал им, что мне хотелось бы ввести туда военные корабли, как в случае с Никарагуа, чтобы добиться удовлетворения наших требований. Но это невозможно, а я не имею даже воздушных шаров, чтобы доставить туда немецкие войска».

Бетель Генри Штроусберг, который любил титуловать себя «доктор Штроусберг», после возвращения из Москвы был разорен точно так же, как большинство его прежних компаньонов. Он умер в 1884 г. в бедности и покинутый своими друзьями, в возрасте 61 года.